Произведения лауреатов и дипломантов Второго открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Малая проза и публицистика»

Номинация «Малая проза и публицистика» 2023

Первое место (золото) и звание лауреата:
Можаев Александр Николаевич (персональный номер участника - 19)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Баракаева Ольга Валентиновна (144)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Елизавета Осень (55)

Звание дипломанта:
Павлов Сергей Николаевич (113)
Ерофеева Зинаида Ивановна (Зинаида Лобачёва) (112)
Леонов Роман Васильевич (Артём Леонович Чепкасов) (156)
Белый Константин Владимирович, Краевский Андрей Александрович (66)
Сазонова Ирина Анатольевна (45)
Крупенич Юрий Адамович (21)
Токарев Анатолий Павлович (90)
Харисов Хабир Кабирович (Николай Таёжный) (71)

Можаев Александр Николаевич – родился в 1956 году на хуторе Можаевка Тарасовского района Ростовской области. Окончил сельскохозяйственный техникум, работал скотником, комбайнёром, механизатором. В 1983 году М.А. Шолохов дал молодому писателю рекомендацию в Литинститут им. А.М. Горького, который он окончил в 1989 году. Сегодня это известный писатель России. Лауреат Шолоховского конкурса 2005 года. Неоднократный лауреат наших (калининградских) литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт на хуторе Можаевка.

За чертой

После Медового Спаса ночное небо всё чаще роняет звёзды. За моею спиной, окрасив нежной охрой макушки деревьев, вставала луна. Нужно переходить, пока она не осветила реку, и не выявила меня, идущего вброд к чёрному враждебному берегу. Одному мне известными тропами просачиваюсь за «ленту» к Нижнему хутору. Там, в небольшом флигельке, живёт на своей даче «Пенсионер». На вид он младше меня, выправка выдаёт в нём былого солдата. О нём я практически ничего не знаю, кроме того, что он всё ещё кем-то работает в оккупированной украинскими нациками Станице, и это даёт ему возможность беспрепятственно передвигаться по району. Меня встречает насторожено и не очень дружественно. А может, он просто проверяет меня своими провокационными вопросами.

– Зачем ходишь? – спрашивает он.

– Кому-то надо ходить…

– Твоему «Майору» надо, пусть он и ходит…

– Ему нельзя…

– А тебе можно? – усмехается он. – Ты ему звёзды на погоны зарабатываешь, и не факт, что вернёшься…

– Какая разница, кому звёзды, кому кресты – лишь бы поскорей всё закончилось.

– Не для того это всё затевалось, чтоб быстро закончилось, – вновь усмехается «Пенсионер». – Прошлый раз на тебя ставили растяжки. Знаешь?

– Знаю. Я два раза не хожу одной дорогой…

Однажды я, по глупости, поинтересовался, как его звать.

– Тебе важно, как я назовусь? – кривятся его губы. – Ну, скажем: Александр Сергеевич Пушкин. Звучит? Условности… Зови «Пенсионер», и я не обижусь. И тебе представляться не стоит. Мне достаточно знать, что ты Атаман, от кого и зачем пришёл…

– Хорошо знаешь карту? – спрашивает он.

– Знаю… – отвечаю я.

– Поворот на Пшеничное – первый блокпост. Постоянно два БМП. Бывает и Т-72, но не постоянно… К Югановке и Камышному передвижные блокпосты, бывают здесь, здесь и здесь… Сопровождение – БТРы. А вот перекрёсток на Тёплое, с правой стороны уже построены крестообразные бетонные укрепления. В каждой секции вкопано по «Булату»… Здесь постоянно человек тридцать…

– Это здесь… – ткнув карандашом в карту и показывая свою осведомлённость, говорю я.

– Да, здесь… – клацнув от досады зубами, «Пенсионер» комкает карту, и, бросив её в камин, тут же сжигает.

– Мне не нужна карта, – поняв свой «косяк», говорю ему. – Я хорошо знаю местность…

– Ладно, проехали… – примиряюще говорит он.

Следующий раз, рассказывая о дислокации украинских войск, он подкрепляет свои слова нарисованными от руки на чистых листах схемами.

– Зрительная память крепче, – поясняет он мне, прежде чем сжечь их. – И передай своим, что знакомый им человек устроился в администрацию, но, по понятным причинам, на связь выходить не будет. Всё через меня…

Вернувшись домой, набираю номер «Майора».

– Есть новости… – говорю я всего лишь два слова, как и условлено.

– Сейчас буду… – отвечает он тоже двумя словами.

И пока он едет ко мне, я на листе бумаги восстанавливаю по памяти все схемы, которые час назад чертил для меня «Пенсионер».

Зима в 2014 году пришла рано. Уже во второй половине ноября с верховьев Деркула дунул студёный ветер, когда он стихал, небо прояснивало, звёзды становились ярче и зримей, и первый мороз прочно сковывал зябь. По реке двинулись нескончаемые караваны шуги. Где-то в камышовых заводях по ночам жалобно вскрикивал одинокий лебедь.

«Что же ты, дуралей, остался? – в сердцах думал я. – Скоро скуёт реку и гибель…»

К декабрю Деркул стал, лишь на перекатах ещё бурлила вода. Переходить стало легче. Одна беда – выпал снег.

– Сейчас они читают твои следы, – говорит мне «Пенсионер».

– Я тоже читаю их следы, – отвечаю ему. – Если вижу их тропу – иду по ней «против шерсти». Наверняка никого не будет…

– До поры, пока не оставят на ней кого-то… Они уже знают твой «почерк»…

– Пока не оставляли… – говорю я, но на заметку предупреждение «Пенсионера» принимаю.

– А это что у тебя? – кивает на висящую на плече сумку.

– Сменная обувь… После перехода, прежде чем заходить к тебе, переобуваюсь. Чтоб спутать следы…

– Маскарад… – насмешливо хмыкает «Пенсионер», но вижу: мой «маскарад» ему нравится.

– Как там наша казачья Станица? – бодрым голосом спрашиваю я.

– Какая там Станица… – ухмыляется он. – Це зараз украинске село, и размовляты там требо лишь на державной мове.

– Справляешься?

– А то як же! Я колы захочу, – краснише хохлов размовляю.

– Станишанам туго придётся…

– Да там уже и станишан не осталось. «Освободители» как пришли – грабежи и изнасилования що дня. Обычное дело… Народ побежал, кто куда. Процентов десять осталось, – в основном старики, которым и деться некуда.

– И что ж на это новая «влада»?

– Молчаливо поощряет. Видимо есть установка: очистить район от населения. Вечером нос со двора не кажи, – забьют до смерти – никто и не заметит.

– Ничего, скоро народ вернётся…

– Возвращаться уж некуда, – грустно усмехается «Пенсионер». – Ты знаешь, сколько домов в Станице осталось?

– Там больших боёв вроде не было, а наши по Станице не бьют…

– Не бьют, – согласился «Пенсионер». – Но этим позарез нужно, чтоб били! Поставят в жилом дворе миномёты, обстреляют позиции у «Князя Игоря» – и ходу. Ждут, чтоб ответка прилетела, а ответка не прилетает. Кто ж по своим домам стрелять будет… Вот «освободители» и взялись освобождать оставленные дома. Всё начисто выгребут, потом двери-окна вынут, крышу снимут, до стен доберутся… Глядь, а от дома и фундамента не осталось. Сейчас уже добрая половина станишанских домов до Львива переехала… При немцах такого беспредела не было…

– Как быстро всё поменялось, – с горечью говорю я. – Давно ли в одном строю ходили? И народ на всех был один, и армия одна…

– Эх, армия… Сейчас не армия всё решает… Зайдёт к командиру полка какая-то сопля зелёная, которая и срочную не служила и кажет: «Будешь робыты, як я сказав». И полковник тянется перед ним, потому что сопля эта из «Правого сектора», и как она скажет, так и будет. А ели не будет, то и полковника этого завтра не будет здесь. Сейчас офицерьё спешно меняют, – с западной приморженных присылают. Звёздочки на погоны дорисовали – и вперёд!..

Вечер был промозглый и тихий. На западе ещё теплился призрачный свет былого заката, а с востока уже наползала тьма. Вдали на горе, едва различимые, уныло дремали курганы. Тени на снегу наливались густой синевой, и в холодном сумраке едва угадывались привычные ориентиры.

За «лентой» я не увидел свежих следов украинского патруля, и это меня взволновало. Обычно они натаптывают их ещё по светлому. Если до сих пор не прошли, то могут выйти навстречу или, затаившись, ждать где-нибудь на подходе к хутору. Самое надёжное – пройти звериной тропой. Это долго и утомительно, зато безопасно – зверь близь человека не ходит. Когда-то по такой тропе мы с Жекой гнали на КубанцА кабанов. «Теперь сам, как кабан, продираюсь этим путём», – с усмешкой думаю я.

В Нижний хутор вошёл уже в полной тьме. Когда-то с весёлой ватагой мы ходили здесь со своими колядками из двора в двор, поэтому мне знаком тут каждый проулок, каждый светящийся окнами дом. Сейчас тут непривычно тихо, даже молчат собаки. Так бывает, когда в хутор заходит волчья стая. И не мудрено, с приходом киевских «освободителей» многие дома опустели.

В чёрной тьме стоит высокий, с вытянувшейся во всю длину открытой казачьей верандой, родительский дом Носача. Николай Павлович умер давно, лет двадцать назад, Анну Дмитриевну похоронили в позапрошлую зиму. С началом войны Носач заколотил досками ставни и больше не показывался здесь. Угрюмо и пусто на широком дворе. На какой-то миг мне вспомнился свадебный шатёр, важно вышагивающий меж рядами столов Кудин, огромный Бармалей, покорно роняющий на плечо Людки свою, тогда ещё кудрявую, голову, Павел Николаевич, лихо распахивающий меха гармони, с посвистом скачущий на присядках и далеко выбрасывающий свои полуметровые лапы Жека… Вспомнился Носач, растерянно улыбающийся гостям, и невеста Маша, слегка запрокинув голову, восторженно глядящая на своего суженного… Тру щёки, протираю глаза; мне становится тоскливо и грустно, и я ускоряю шаг.

На твёрдой уезженной дороге, чтоб спутать свои следы, переобуваюсь и иду к знакомому дому «Пенсионера». Скоро у жаркой печурки я отогреюсь, «Пенсионер» напоит меня горячим чаем, и пока я, обжигая губы, буду отхлёбывать его мелкими глотками, он расскажет прифронтовые новости, исчертит большой белый лист своими схемами. «Запомнил?» – спросит меня, и, не дожидаясь ответа, скомкает и бросит его в огонь.

Вот и известный домик. Я схожу с дороги и тут замечаю, что стёжка во двор не чищена, снег, выпавший пару дней назад, не натоптан. С трудом приоткрыв калитку, протискиваюсь во двор. Вслушиваясь в тишину, несколько минут стою без движения. Дверь в дом приоткрыта, но на

заметённых ступеньках ни одного следа. Недобро смотрят на меня чёрные окна. Тихо скрипнула дверь. Я понимаю: это лёгкий ветерок сдвинул её с места, но у меня привычно немеют виски. Жуть начинает владеть моим сознанием, и мне уже видится, что из каждого чёрного окна, неотрывно, следят за мною чьи-то жадные глаза. Сдерживая дыхание, всё ещё раздумывая, переступаю с ноги на ногу. Зловеще громко пищит под ногами схваченный морозом снег. Осматриваюсь вокруг себя, и делаю шаг к калитке. Снова вслушиваюсь. В морозной тишине, где-то в чёрном непроглядном саду, враждебно потрескивают на холоде деревья.

Наверное, мне нужно было переступить через свой страх и войти в дом, но чей-то голос внутри меня говорил:

«Что ты увидишь в этом распахнутом мёртвом доме? Пустоту?»

«Быть может, мёртвое тело…» – отчаянно спорю я.

«Мало ты видел мёртвых тел?»

«Но…» – ищу и не нахожу возражений.

«Если там пустота, то к чему тебе тревожить её, – резонно говорил голос. – А если там мёртвое тело, то чем ты ему поможешь?..»

Выйдя со двора, по-воровски озираясь, бреду по пустой улице. У меня здесь много знакомых, и я бы мог узнать у них о произошедшем, но сейчас я никому не доверяю, поэтому не хочу никого видеть, и не хочу, чтоб здесь видели меня. Если «Пенсионер» ещё жив, это может ему навредить.

Неожиданно, ослепив меня, в глаза ударили светом фары, взревел мотор, и машина двинулась мне навстречу.

«Засада!..» – прокричало внутри меня.

Я влетаю в первый попавшийся двор, бегу мимо дома в чей-то тёмный заснеженный сад, перескакиваю через изгородь другого двора, спотыкаясь и падая, пробиваюсь через сугробы туда, где виднеется поросшее лесом старое русло Деркула. Я слышу, что машина проехала мимо, что где-то уже далеко, очнувшись от зимней дрёмы, отчаянно лает мне вслед какая-то собачонка. Можно бы остановиться, перевести дух, обдумать дальнейший путь, но чей-то безумный голос продолжает гнать меня своим криком:

«Бежать, бежать, бежать!..»

Потеряв дорогу, бегу наугад, и молодые ветки деревьев больно хлещут меня по лицу.

Скорей, скорей, скорей!.. К спасительной реке, по которой начертана незримая граница. Возможно, где-то на этом пути ждёт меня засада… Наверняка ждёт. И я, сам того не ведая, бегу на неё…

Всё так похоже на старую детскую игру, когда на песке проводили длинную черту, и, перешагнув её, мы прорывались к чужому знамени. Противная сторона хватает тебя, швыряет на землю, бьёт, но у тебя лишь одна задача: вырваться, увернуться, убежать за свою черту. И едва ты её переступишь, никто уже не смеет к тебе прикоснуться, и ты можешь смело показать язык своим некогда грозным, но теперь уже беспомощным противникам.

Где этот противник, где спасительная черта, где я?.. Замедляю шаги, наконец, останавливаюсь среди

ночной непроглядной сини, вслушиваюсь в неё, – до меня отчётливо доносится стук шагов, и я слышу рядом с собой чужое дыхание… Нет, это не чужие шаги, это, заглушая все земные звуки, стучит моё сердце, глухо гудит в висках кровь, и моё хриплое дыхание заполняет собой тишину. Осматриваюсь. Вон там вдали чёрная стена тополей и прибрежных верб. А за ними спасительная черта. Нужно только дойти до неё… Меня смущает только то, что при переходе я не видел чужих следов. Возможно, эти чужие люди греются сейчас водкой в каком-нибудь пустующем доме, но неведение всегда страшит.

«А если они пришли позже и теперь ждут меня?.. Где ждут? Где они могут ждать меня?.. По логике там, где я переходил…»

Я делаю крюк, удаляясь от места своего перехода. Задержав дыхание, вслушиваюсь в звенящую бездну и, уже обречённо, иду в тёмную чащу потрескивающих на морозе тополей. Спасительная черта уже рядом, но как громко скрипит снег под моими ногами! Когда-то в далёком детстве мне было так же страшно входить в пугающий своими скрипами и вздохами ночной лес, – всюду мне мерещились демоны и неведомая лесная нечисть. Но тогда, наученный своей бабушкой, я знал: стоит лишь мне осенить себя крестным знаменем и прошептать: «Господи, спаси и помилуй», как все эти бесы превращались в сказочные безобидные персонажи и утрачивали способность нанести какой-нибудь вред. Нынешняя нечисть, сторожащая меня у черты, много страшней – крестом и молитвой её не возьмёшь. С каждым шагом я жду чужого окрика, и это ожидание самое мучительное на моём пути. Вот он и склон, внизу лёд, река. Теперь меня никому уже не взять! Даже мёртвый я успею достигнуть своей черты!

Больно ударяясь, скатываюсь на выступающий у берега козырёк осевшего и обломившегося льда, качусь на спине к своей незримой черте. Вот она, где-то здесь! Сейчас сделаю шаг, переступлю её, и уже никакие демоны не посмеют ко мне прикоснуться. Только сейчас, приходя в сознание и начиная осознавать себя, ощущаю сильную боль в своей искалеченной ноге, и удивляюсь: «Как я с этой болью сумел проделать свой путь?»

Теперь, уже в полной безопасности, я осматриваюсь и пытаюсь понять, где нахожусь. В мирной тишине даже не слышен стук моего сердца, и лишь с протяжным постреливающим хрустом, катящимся вдоль берегов, привычно оседает лёд. А как радостно и безмятежно сияют здесь звёзды! Ярко горит жемчужная россыпь Млечного Пути, Большая Медведица, задрав свой ковш, смотрит на неподвижную Полярную Звезду. Из-за яра сонно выкатилась запоздалая луна, – замигали под ногами золотистые искорки снега. Я начинаю угадывать это место, – исстари зовётся оно Малашкиной ямой. Вон под яром чернеет промоина, – она здесь всегда. Когда-то, играя на этом месте в хоккей, мы, запарившись, поочерёдно подползали к ней, и пили из неё деркульскую воду. Знакомая верба свесила к реке свою могучую ветвь. На ней располагались наши болельщики. Мне почудилось, что даже сейчас я слышу их крики: «Ку-дин-Ку-дин! Же-ка-Же-ка! Са-ня!..»

Засмеявшись от счастья и необъяснимой радости, припадая на ногу, я иду к своему берегу. Вот и мой дом. Мне кажется, что я не был здесь целую вечность, но Виктория вдруг сказала, что сегодня я пришёл на удивление рано.

– Это было последний раз… – говорю я.

– Да?!. – радуется она.

– Наверное…

Беру телефон, набираю знакомый номер.

«Может завтра? Что толку?.. Нет, он просил сегодня…»

Идёт вызов.

– Да, – спокойно произносит «Майор».

– Новостей больше нет, – говорю в трубку.

На другом конце затянувшееся молчание.

– Я понял… – наконец произносит он.

Баракаева Ольга Валентиновна – родилась 4 марта в Подмосковье. Окончила Московский энергетический институт по специальности инженер-электромеханик и Московский гуманитарный университет по специальности менеджмент. Участник и победитель множества литературных конкурсов. Председатель Правления Литературной ассоциации «1 место», организатор Союза литераторов «Перо и слово». Член Российского союза писателей и Союза писателей Северной Америки. Автор пяти книг. Живёт в Москве.

Аршалуйс и Верочка

– Давай мальчиков навестим, Вера. Ты не всех знаешь, я познакомлю.

Крепкие ноги Аршалуйс в мужских ботинках шустро ступают по каменистой земле Поднавислы, приминая невысокую, уставшую от южного солнца траву. Энергичный голос становится тихим, мягким. Женщина показывает пальцем издалека:

– Это Серёжа Ломакин, Сергей Фёдорович, командир стрелкового батальона, он из моих женихов самый красивый. Глаза прозрачные, серые, будто вода в Чепси. Люблю в них смотреть, отражение своё искать. Смотрю и молчу. И Серёжа молчит. По вечерам спать его укладываю, как маленького, колыбельную армянскую пою, ему нравится, быстро засыпает. А это Стёпушка, джигяр.

Белобрысенький, хорошенький, самый молодой здесь. Любит, когда полковые газеты вслух читаю. Сохранились штук пять, искрошились на сгибах. Уже наизусть могу – одно и то же по очереди. Мальчишке обе ноги выше колена оторвало, какой фронт? А так кажется Стёпке, что он сражается, а не лежит без дела, мамалыгу почём зря ест. Ваня Василенко, старший сержант; не смотри, что полноватый: бегает быстро, стреляет метко. Мыкола. Ранение в голову, зрение потерял. Коле письмо от жены читаю. Одно письмо пришло, больше не приносили; видать, неживая она. Кудрявый, черноволосый – Игорь Саркисян. Тяжёлый был, три недели его выхаживала, супом с ложки выкармливала, точно птичку. Не хотел есть. Иногда завлекал: поправлюсь – женюсь на тебе, Аршалуйс. Единственный из них знал, как моё имя переводится.

– Как? – спрашивает подруга.

– Рассвет. У тебя хорошее имя, военное. Для врача подходящее.

– Вера? Вера – военное имя?!

– Конечно. Нельзя на войне без веры. Тем более докторице. Мальчики все, кроме Игоря, Шурой кличут, а Шусей – только ты. Да и не случилось других подруг, сама знаешь, ты у меня разъединственная, разговариваю – наговориться не могу. Надоело, поди, про белого бычка слушать? Терпи, моя золотая, ведь никого на хуторе нет, одна векую. Кроме тебя, не с кем словом перекинуться. Брат и племяшка в Горячий Ключ звали: там электричество, телевизор, вода из крана. А как солдат оставить? Они просили – не бросай; клятву я дала, что не брошу, пока жива. Днём в колхозе работала, вечером к ним бежала – кому сказку рассказать, кого песенкой порадовать. Радио слушала, новости ребятам рассказывала. Так полвека и усвистало.

Ездила я в город. Красиво, не спорю, удобства всякие. Провода, как прыгалки, между столбами висят, на них птицы – чернявые, клювастые, что мой Игорёк. Ночью светло: фонари на улицах. Домой вернулась – скала нависает, Чепси шуршит по камням, убаюкивает, любимки спокойно спят. Вон там – братская могила, двести человек лично похоронила, чуток левее – ещё триста, а всего – почти две тысячи в Поднависле. Каждому камень приносила, отмечала, кто где упокоился. Под розовым большим камнем – командир. Запомни место.

Сколько за них перед скалой молилась! Храма нет, отсюда до ближайшего села – двенадцать километров. Помнишь бои в сорок втором, Вера-джан? Страшные какие бои… Гитлер здесь на Северный Кавказ хотел прорваться, в газете писали – главный удар: за нефтью шёл. В нескольких километрах от Поднавислы его остановили. Не вышло ничего у фрица. Папа и братья на войну ушли. Дедушка, царствие небесное, всем Ханжиянам наказал: русская земля нас приняла, кров дала, братья по вере армян от турок спасли, и теперь свою новую Родину мы защищать должны до последнего.

Сначала пять раненых в дом принесли. Потом ещё, ещё. Я не санитарка, никто и звать никак, никем и не числилась – доброволец. Ничего, всему научилась – уколы ставила, капельницы держала, разве что не оперировала. В одной комнате операционную сделали, в других – лазарет. Дома ступить негде, новеньких под деревья клали. Жара, осы, мухи роятся, зато фруктов много. Пациенты плакали, кричали, еле успевала от одного к другому бегать. Мы с хирургом спали по три часа. Потом тебя на помощь прислали, солнышко рыжее, конопушчатое. Вер, до чего же мы молодые были! По двадцать восемь, кажется?

Иду с ведром воды однажды, гляжу – сидит лейтенант носатый, длинный нос повесил совсем. Поздоровалась по-армянски – барев дзез. Не понял. Спросила – армянин? Нет, грек. Совсем расклеился: руку оторвало, кому калечный нужен? Я рявкнула: чего удумал – духом падать! На фронте нужен, одной рукой запросто стрелять можно! Меня и дед, и отец к оружию приучили:

охотники. Ружьё одной правой схватила, в воздух пальнула, зыркнула построже. Наверное, жёстко, но так надо. Ожил парень.

В другой раз безногий Володя-тракторист скис. Вовке мягче сказала: после войны мужчин мало уцелеет, каждый наперечёт, женишься на доброй красивой девушке, детей нарожаете. Учись, мозги хорошие, образование получай! Обе руки на месте, одна нога имеется, необязательно трактором управлять. Владимир Петрович в восемьдесят пятом приезжал: Шурочка, помнишь меня? Молоком поила, жить учила – так выучился я, нынче сам учу – детей в школе.

В октябре хирург вызвал, сказал – все на фронт уходим, раненых подводами вывезем, тебя защищать некому, собирайся в эвакуацию. Отказалась. На кого могилы оставлю? Кто ходить за ними будет?

Так крепко ты на прощание меня обняла... на всю жизнь слово твоё запомнила, Верка, – что вернёшься. Твёрдо пообещала – вернёшься, глазищами намокла и к грузовику помчалась, а я стала ждать, пока довоюешь. Терпения, чай, не занимать. Слезу не подпускала: бойцы хныканья не любят, к чему их огорчать?

Шептала-журчала, перекатывалась на голышах год за годом Чепси, уносила тревоги, смывала горести.

Днём в колхозе, вечером с солдатами – так и сложилось. Женихов немало сваталось, да не вышла замуж: предназначение другое. Не рассказывала никому, открою историю давнюю. Лет пятнадцать мне было, через реку переправлялась – арба перевернулась, и понёс меня горный поток, притопил в холодной воде. Я за воловьи хвосты схватилась – дотащили волы до берега. Долго в горячке лежала, с неделю, родители не верили, что оправлюсь, глаза выплакали.

Где-то в других мирах оказалась. Сначала увидела лестницу с резными перилами, по ней поднялась – открылся сад, на местные не похожий. Беседки каменные в рядок выстроились, возле них – фруктовые деревья невиданные. Кипарис лианами навроде глицинии до верхушки опутан, а глициния – каких на земле не встретишь: ярко-синяя, сыплется сверху бархатным дождём, под исцарапанные босые ноги коврик стелет; до чего хорошо, до чего благостно на сердце! Полупрозрачный старик в белых одеждах наверху стоит, смотрит не на меня, а словно внутрь меня – и ни слова не произносит. Так захотелось в том саду поселиться! Прилечь на топчан, кожицу диковинного плода отшелушить, сладкую мякоть попробовать… Спросила – можно? Старец губами не шевельнул, но я услышала: нельзя, главное предназначение на земле не выполнено, а какое – узнаю, когда время придёт.

Спит моё предназначение под скалой. Смотри, оградки из ивы сплела, чтобы слаще спалось. Командиру куст посадила. Тощенький прутик за столько лет расщекастился, живым зонтом накрыл.

Привыкшими к работе руками в оплётке толстых сизых вен Аршалуйс ловко выдёргивает сорняки, переходит от могилы к могиле. Худая жилистая фигура закутана в тёмную самовязаную кофту, на седой стриженой голове – пёстрый платок. Подруга рядом, «роднулечка», так Аршалуйс её зовёт. Куда Шуся – туда и Вера, хвостиком всегдашним. В тысячный раз Шусин рассказ слушает; помочь не может, зато слушать – сколько угодно.

– Колхоз перестройкой растрепало. Растила кукурузу в огороде, держала несушек – прокормилась. Захотел местный буржуин дачу в урочище строить, бульдозер пригнал. Захолонула душа, Вер. Выскочила, растопырилась. Выглядывает паренёк – уйди, бабушка, у меня приказ, расчистить территорию надо. Не растерялась, отвечаю – у меня тоже приказ, покажу, только домой сбегаю, обожди! Тот вылез, прикурил, а я за ружьишком метнулась. Перед ковшом встала, осадила:

убирайся отсюда, здесь святое место, солдаты спят, да не шуми: разбудишь. Передай своему начальству: захоронения военных времён, ничего перекапывать не позволю! Дурак молодой рассердился, своей гремучей железякой попёр, я первый выстрел – в воздух, упредила, второй – в лобовое стекло. Удрал на бульдозере.

Потом чиновница приехала. Понимающая баба оказалась: у самой деды в войну сгинули. Распорядилась богатеев не пускать, денег раздобыла на железные ограды. Мальчики довольны, и мне легче. Готовые оградки помыть быстрее, чем из лозы плести: силы-то не те уже, глаза подслепли. Умру скоро, чувствую. Умирать нестрашно, страшно с солдатиками разлучиться, вся жизнь моя – за их могилами ухаживать и тебя ждать. Ты же тогда, в сорок втором, обещала вернуться, с той поры и жду. Пятьдесят лет жду!

– Здесь я, с тобой всюду хожу, за плечом твоим, – успокаивает Верочка старуху, – просто ты меня не видишь. Хочешь, расскажу, что дальше случится?

– Хочу, матахгнэм.

– Ты потеряешь зрение. Когда умрёшь, племяшка твоя станет хранительницей. На поляне выстроят армянский храм, сможешь молиться не скале, а настоящей иконе. Местные жители соберут миллион рублей, представляешь, целый миллион! Хотя как ты представишь, если даже пенсию отродясь не получала... Вот здесь поставят большой памятник: немолодая женщина, опустив голову, сидит на скамье, справа от её руки – простреленная каска. У ног всегда живые цветы – гвоздики, ромашки. Шуся, это ты! Не бросила своих солдат, осталась при них.

По вечерам невидимая Вера подсаживается к бронзовой подруге, гладит родные морщинистые щёки. Скамейка длинная, места обеим хватает. Аршалуйс под шёпот любимой Чепси негромко и ласково напевает бойцам армянскую колыбельную.

А.К. Ханжиян признали Женщиной 1997 года в номинации «Жизнь – судьба». В 1998 году её не стало. Аршалуйс Кеворковне присвоили звание Почетного гражданина Горячего Ключа, того самого города, куда она отказалась переезжать.

Елизавета Осень – это литературный псевдоним прозаика и поэта. Родилась 13 декабря, её родной город Алчевск Луганской Народной Республики. Окончила в Ростовский-на-Дону политехникум связи. Публикует свои прозаические и поэтические произведения на интернет порталах Проза.ру и Стихи. ру. И не только. Дипломант Шестого межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» 2022-23. Живёт в г. Алчевск, ЛНР.

Дважды «батя»

– И, скажи ж ты, прицепился, словно будяк, или репейник какой!

– И нет от него, паршивца, ну никакого тебе спасения! Ровно дел или забот у него нет других, как за мной по пятам таскаться…

Так пожилой солдат, дядько Федор, распекал везде снующего за ним молодого бойца Лёньку.

– И дали нам минутку перекуру, так займись чем полезным: винтовку почисть, либо портянки перемотай, воды вон испей! Жизни от него нет!

– Так, батя, нога у тебя гноиться начала, перевязать бы…

– Ты, жалобщик, за собой погляда́й лучше! Вон, гляди, не ровен час, немецкая танка попрет, а ты, батя, батя…

А нога и впрямь, час от часу болела все больше. И ранение приключилось пустяковое, пуля-дура рядом чиркнула, зацепила самую малость. Перевя́зывать было некогда. На немца наскочили совсем неожиданно. Бой серьезный ни одна сторона принимать не стала. Сил друг друга не знали, перестрелкой ограничились. Вот тогда и царапнуло по ноге-то, ожгло словно.

Пока отстреливаясь, в посадку отходили, в сапог натекло-таки порядочно.

«Ох, и жаркий, июль-то! И на погоду жаркий, и на бои. Немец попёр не на шутку. На Сталинград шельмец метит! Нам бы воедино, в кулак собраться, да кулаком этим, да по морде фашистской! На, тебе, утрись, Гитлер! Однак, не всё так склада́ется, как думается. Отходим последнее время. Отходим, за кожную кочку, за кожный бугор зацепляясь, чай, не чужую, свою землю врагу отдаем…»

Так, отдышавшись и затянув рану оторванной полосой от исподней рубашки, размышлял Федор.

«Вот, пару дней назад, и то было полегче. Маршем шли, на Миллерово. Так, гляди ж ты, обогнал, вы́передил, немчура! Сказывают, в Миллерово теперь танки немецкие… Окружить никак хотят? Прорываться немедля надобно, а за Доном собраться в кулак энтот, и снова: на тебе, Гитлер! Утрись, подлюга!»

– Гляди, батя, ровно и войны нет…Тихо так, и небо высокое да голубое…Жук вон ползёт и нет ему дела, что самолёты летают, бомбы падают… – Ленька, худенький, невысокий парнишка из последнего пополнения, прилёг рядом.

И кто его знает, что нашёл Ленька в вечно суровом, немногословном Фёдоре, однако привязался он к нему действительно, как репейник.

Поначалу все в взводе посмеивались:

– Гляди, Федор, сынок появился, а говорил, что у тя детей нету?

Федор сердито сводил брови:

– Цыц, неугомонные!

Как ни страшна война, однако, солдату без шутки никак невозможно.

Только Лёнька, вчерашний школьник, появился в солдатском строю, шутники дали себе волю:

– Красноармеец, Леонид Поляков!

Лёнька вытягивался по стойке «смирно».

– Доложить по всей форме, что ел сегодня на обед Хюрер!

Лёнька рассеянно хлопал глазами.

– Поляков! – Лёнька вскакивал и вытягивался, как на параде.

– Лейтенант приказал тебе до ночи взять Гитлера и привести на допрос!

– Отцепитесь от пацана, оглашенные! – скупо ронял Федор.

С тех пор Ленька и ходит, как тень за неулыбчивым Федором.

И отродясь Федор весельчаком не был, а как перед самой войной похоронил жену, улыбка больше никогда не раздвигала его сурово сжатые губы.

– Федор боится от смеха зуб вставной потерять, опосля, в Берлине ему нечем будет «фрау» немецких завлекать, – зубоскалили солдаты, когда Фёдора не было рядом.

Ещё парнем, в драке, лишился Фёдор зуба. Когда повзрослел, вставил железный.

Да, отходили, отходили, на каждом рубеже отбиваясь яростно и ожесточенно, теряя товарищей. Но паники не было, каждый был при деле, знал свою задачу.

Дальше, дело плохо обернулось.

Накануне, приказ получили. Последний приказ-то – больше связи не было.

Ввиду того, что противник подтягивает к переднему краю обороны свежие силы, приказано было: с наступлением темноты бросок к новым рубежам сделать, чтобы левый фланг армии обеспечить.

Лощинку приметили, чтобы до ночи, до скрытного манёвра, затаиться в ней на время.

А чтобы к лощинке пробраться, поле перейти нужно. Поле большое да широкое. Просторное поле… Пшеница на нём золотая, войной, пожаром еще не тронутая.

Строем шли по золоту этому, сердце болело хлеб топтать. Шли, погрузившись в свои мысли.

Потому не сразу и поняли, как из-за яркого солнца, с воем, два «мессера» вынырнули.

В рассыпную бросились, да местность-то открытая…

Немец, до бреющего спустился. Пламя пулеметов тут же срезало не успевших залечь, бегущих по полю солдат.

– Ложись! Ложись! – кричал лейтенант.

Лёнька рядом с Фёдором, рядом с батей упал. Страх, тошнотворный страх, заставил изо всех сил вжаться в землю.

Трассы пулемётов методично расстреливали видных, как на ладони бойцов. И казалось Лёньке, что это кто-то, на маманиной, на старенькой швейной машинке строчит: стежок – пропуск между равномерно ложащимися пулями, прокол иглы – чья-то смерть…

Раздалось несколько хлопков, выстрелов: лежащий неподалёку солдат, подняв голову, с винтовки бил по самолётам.

Фрицы разворот сделали и опять спустившись до бреющего, строчить начали. Пронизывающий вой мотора заставил Леньку снова крепко прижаться к земле. И делал Лёнька над собой неимоверное усилие, чтобы лежать, а не схватившись руками за голову вскочить и бежать по полю.

И всё же ЭТО кончилось. Тишина, тишина до звона в ушах…

Кто-то потрепал по плечу:

– Жив, что ли? Вставай, Лёнька! – голос бати.

Пятерых не досчитались. Среди них лейтенанта.

Старшина, во взмокшей от пота гимнастёрке, склонясь над убитым лейтенантом, снимал с него планшет.

– Прости, взводный!

– Слушай команду! – прохрипел позже.

– В лощине, там земля помягче будет, яму надо выкопать. Хоть и по скорому, да похороним наших товарищей…

– Опосля, строимся и быстро от сюда, темноты ждать не станем, нельзя тут оставаться, засекли нас немцы.

Не успели…

Из-за горизонта, меж полями, по грунтовой дороге, пыль поднялась. После, шум моторов донёсся. Две бронемашины шли по дороге, за ними ещё бортовые, с автоматчиками.

– Уходим!

С бронемашин, ещё издали, захлебнувшись огнём, ударили пулемёты.

Перебежками, к оврагу отходить стали.

Те пятеро, в золоте поля остались…

У Фёдора, с ногой невмоготу. Боль до темноты в глазах. Едва поспевал за всеми.

Из машин автоматчики высыпали. Пошли цепью.

– Быстрее! – торопил старшина.

На поле, на пригорок, высоким бурьяном поросшим, наскочили.

Задохнувшись от боли Фёдор упал.

– Старшина! Всё, старшина! Уводи ребят, я прикрою!

– Фёдор?!

– Быстрее, старшина, поздно будет!

Секунду смотрели в глаза друг другу.

– Держи! – старшина протянул автомат, – всё не винтовка!

– Опосля догонишь…– сказал, уже не поднимая глаз.

Отстреливаясь, уходили.

На пригорке, скрытый бурьянами, остался Фёдор. И было у него на жизнь ещё с полминуты времени.

«Всё, тебе, Федя! – шептали губы, – Всё! Никто и не вспомнит! И похоронку послать некому! Зато помру быстро. Тут мне повезло! Эк, сколь автоматов против меня идёт!»

Поудобнее уложил раздувшуюся, пульсирующую болью ногу. Прицелился.

Ударил короткой. Передние фрицы кувыркнулись. Попал, или залегли от неожиданности.

Ещё ударил. В ответ, десятки пуль впились в землю рядом. Засекли.

Ещё застучали автоматные очереди. Счастье Фёдора, что он на пригорке, повыше. Потом затихли фрицы. Пошли в полный рост, не пригинаючись. Поняли, что один.

«А ведь и вправду один!» – сжалось сердце.

Рядом раздался сухой винтовочный выстрел. Ещё!

– Я с тобой, батя!

Лёнька!

– Ох, и сучий же ты сын! И когда ж ты от меня отстанешь! – заругался Фёдор, а в голосе звучала радость.

Не один! Лёнька, сынок рядом!

Стрелял Лёнька, бил короткими Фёдор, прижимали к земле фрицы.

– Лёнька! Сынок! Обойти могут!

– У меня, – выстрел, – батя! – выстрел, – граната есть!

А в голосе, у дурачка, тоже радость! Он с батей рядом!

Внезапно, Фёдора кто-то в спину ударил очень сильно.

Так ударил, что и обернуться, посмотреть назад, на обидчика не смог Фёдор. И только когда под гимнастеркой по спине, по бокам потекло горячее, понял – обошли всё же!

И не мог Фёдор ни оглянуться, ни рукой пошевельнуть, только одна мысль пробивалась через угасающее сознание: «Лёнька?!»

Рядом раздался взрыв.

Успел Лёнька, успел сынка!

Нава́ливалась вечная темнота.

Вдруг, что-то яркое сверкнуло в глазах, в голове Фёдора, оборвало его последний вздох.

***

– Ситуация, тут стало быть, произошла следующая, – грузный, коротко стриженный мужчина, в военной форме, без знаков отличия, в окружении десятка людей, стоял подле пригорка, на весеннем свежевспаханном поле.

– Летом 42-го, после глубокого прорыва фашистами участка нашей обороны, части Южного фронта, преследуемые немецкими войсками, начали отходить за Дон.

– По рассказам нескольких жителей соседнего села, на этом поле произошёл короткий бой. Сначала, отступающие красноармейцы попали под обстрел немецкой авиации, а позже были атакованы

вражеской пехотой. Очевидно, уцелевшим удалось отойти.

– Поздно вечером, когда немцев не было видно поблизости, жители вышли на поле. Было подобрано несколько убитых красноармейцев, которые сейчас и захоронены в братской могиле села. Среди них был лейтенант. Документов при нём не оказалось.

– А как же эти? – хмуро спросил Юрка.

Именно он, Юрка-тракторист, и пахал поле этой весной.

Когда подошло обеденное время, Юрка остановил трактор и выбрался на небольшой, уже просохший под весенним солнцем пригорок. Неспешно обедая, Юрка щурился, подставлял лицо уже тёплому весеннему солнцу, вдыхал влажный, ни с чем не сравнимый запах свежевспаханной земли.

Лениво блуждающий взгляд Юрки остановился на каблуке, на остатке кирзового солдатского сапога. Отложив недоеденный кусок, Юрка внимательно присмотрелся: сошедший весенними ручьями, стаявший снег, явно обнажил полуистлевшие останки человека.

Сначала прибыла милиция, затем поисковый отряд.

– Эти? – переспросил военный.

– По всей видимости, двое красноармейцев, остались прикрывать отход своих товарищей. Возможно, их обошел противник.

– Один из них, лежащий слева, скорее всего был тяжело ранен и его добили выстрелом в затылок. Он так и умер, лежа на животе, не выпуская из рук автомата. Может быть, он был в возрасте, так как у него нашли вставной железный зуб, что не очень характерно для молодого. Хотя, трудно сказать наверняка…

– Второй, лежащий справа, под останками двух немецких солдат, предположительно, подорвал себя гранатой, убив вместе с собой фашистов.

– Обрабатывая поле, на этот пригорок, покрытый высокой травой, никто не взбирался, поэтому погибшие, со сих пор и не были обнаружены.

– А похоронят их где? – продолжал допытываться Юрка, – надо бы там, где нашли, на пригорке этом…

– Похоронят их, молодой человек, в братской могиле, в селе, возле своих товарищей. Если бы хоронили всех павших на местах сражений, то и хлеб сажать было бы негде…Дорого мы за Победу заплатили…

Вскоре представитель из города уехал, потихоньку разошлись и люди.

Остался Юрка на поле один.

Стал на колени на разрытой, потревоженной поисковиками земле.

– Вот я и нашёл тебя, батя…– с трудом сглотнул подступившие слёзы.

Низко склонился.

Три года было Юрке, когда матери пришло извещение на отца: пропал без вести, в июле 1942…

И сколько он себя помнил, они с матерью его искали. Не было даже фотографии, только рассказы матери:

– Ладный был твой батя, сынок! И силёнкой Бог не обидел, и с лица хороший. Только, как- то платформу с брёвнами, с кругляком, разгружали они на работе, и что там уже у них получилось не знаю, да «шапка» с брёвен так и поплыла, так и покатилась. Успел отец отскочить-то, да лицо маленько всё же задело: губу рассекло, зашивали потом, да зуб передний выбило. Зуб железный в райцентр ездили вставлять, молодой же был ещё, батя твой!

– Хоть бы могилку его отыскать, сынок! Каждый сын поклониться отцу должен!

Одно удалось узнать, что пропал отец на полях Луганщины.

Закончив школу, пошел Юрка на тракториста учиться. Затем заявил матери:

– На Донбасс я, мам, поеду, там работать стану.

– Юра! Гляди, какая у нас землица: тучная да жирная! Плодю́щая земля-то наша, чернозёмная…

– А ты что ж, на глину да на щебень поедешь? Чего задумал?

– И там живут люди, мама. И хлеб растят.

– Юр! – подняла глаза маманя, – никак отца найти хочешь?

– Как получится! – сказал уклончиво.

И вот стоит Юрка на коленях, перебирает загрубевшими в работе пальцами, влажную землю:

– Вот я и нашёл тебя, батя!..

Останки найденных красноармейцев были похоронены в братской могиле села, возле своих товарищей.

А как-то, незадолго до великого праздника Победы, на рассвете, когда даже рано встающее село и то ещё спало, привёз Юрка на велосипеде к пригорку деревянный крест. Долго возился, устанавливая его в жёсткой, неподатливой донбасской земле, подсыпая да ровняя почву.

Затем поправил прибитую на кресте дощечку. Снял кепку. Губы беззвучно прочитали, то, что было написано на табличке.

А написано там было просто: «Батя»…

Павлов Сергей Николаевич – родился в 1976 году. Начал писать только в 2019-ом. Активно публикует свои стихи и прозу на порталах «Проза.ру» и Поэзия.ру. Его работы опубликованы в нескольких сборниках и альманахах 2021-2022 г. г. Участник и лауреат литературных конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

Утренний расстрел

Надрывно воя мотором, расхлябанная полуторка въехала по грунтовке меж холмов и встала у сосняка, жалобно скрипнув тормозами. Утро занималось, солнце чуть глянуло в распадок. Тишина осеннего утра была нарушена, но еще пыталась вернуться. Безнадежно.

Лейтенант НКВД вылез из кабины, осмотрелся, обошел машину и сказал:

– Здесь. Вылазьте.

Сказав это, он присел на крыло и закурил, прислонив автомат к колесу.

Толстый НКВДшник соскочил на землю и откинул борт; мужчины в пиджаках, ватниках, кряхтя, неловко полезли вниз. Второй НКВДшник подгонял легким матерком. Один зацепился и упал, нижний вертухай подхватил его:

– Чего разлегся! Вставай!

И вогнал в строй.

– Ну что, – спросил лейтенант, – готовы?

– Сейчас! – толстяк повернулся к гражданским. – Так, давайте туда – к овражку.

Нестройный рядок подошел к ложбинке.

Лейтенант взял автомат покрепче, передернул затвор. Рядовые тоже взвели винтовки, гражданские вздрогнули.

– Огонь!

Разом грохнули автомат и винтовки, люди падали на землю, птицы испуганно взлетали в небо…

Минуты не прошло, и все было кончено.

Польский консул наклонился к латышскому и прошептал:

– До чего натурально! Действительно, наверное, так все и было.

Через секунду раздались аплодисменты, ожили убитые, обнялись с убийцами своими и все пошли к накрытым рядом столам пить чай, коньяк, есть бутерброды (по-правильному – сэндвичи) с сервелатом, икрой, пармезаном. Рай на земле. Отмечалась очередная годовщина Сеньковского расстрела.

Открыватель этой темной страницы советского прошлого – историк-самоучка и филолог по

образованию Федор Молинский стоял в окружении журналистов, дипломатов и вновь, как и десять лет назад, рассказывал ту же историю:

– Наша беда в том, что мы не знаем нашей истории. Нам столько лет врали, что мы привыкли к этой лжи, и теперь считаем ее правдой. Мы должны, наконец, узнать правду, пусть горькую, неприятную, но правду, иначе никогда не выберемся из этого темного леса…

Его сын Максим сидел в дальнем ряду. Он уже привык к подобным зрелищам, к радости отца от внимания высоких европейских гостей и иностранных журналистов. Максим приехал из Германии, и ему было о чем говорить с отцом, но отец был занят, он рассказывал журналистам о планах на будущее:

– У нас уже есть музей, пусть небольшой, но он охватывает не только этот эпизод, но и все репрессии в районе, на могиле убитых сразу был поставлен крест, а в следующем году на народные деньги будет поставлен каменный мемориал с именами всех погибших от рук сталинизма. – помощница раздала гостям буклеты, – Прошу вас ознакомиться с проектом.

Гости довольно изучали литературу, все было просто прекрасно, только Максим хмурился, как это утро. Наконец, все закончилось, были розданы автографы, вручены визитные карточки и гости уехали.

Успех! Вечером Федор Петрович запер музей и пешком, чтоб не терять здоровье, прошел домой через осенний, город. Темнело понемногу, осень немного накатывала, чуть золотя пятнами еще зеленую листву. В невысоких домах горели окна, за которыми было видно, что происходит в квартирах, а на тихих улицах гуляли люди. Утренняя хмарь рассеялась еще днем, и теперь земля, нагретая за день, остывала. Свежий воздух бодрил, казалось, молодость вернулась к нему, когда он открыл дверь квартиры. Сын был уже там.

– Максим, ты видел, как сегодня все здорово было! Как все слушали! Это же не местная мелочь, это Европа! Серьезные люди!

Федор Петрович все никак не мог отойти от настроения, включил компьютер, – видеозапись уже должны были прислать, надо было смонтировать лучшие куски, – метался по комнате, не замечая, что сын сидит у стола с какой-то папкой все такой же сумрачный, как и на всей церемонии. Вдруг Федор Петрович спохватился:

– Слушай, а тебя разве не было? Я что-то не заметил.

– Был. – вздохнув ответил Максим, -Был, просто там народу много, а я хотел с тобой поговорить кое о чем.

– А в чем дело? Тебе, может, деньги нужны? Сколько?

– Да нет, папа, ты присядь, посмотри, я тебе тут посмотреть кое-что привез.

– А-а, ты же историк. Молодец. Ну, давай, посмотрим, чего ты нашел. – Федор Петрович быстренько подсел к столу.

Максим раскрыл папку, вынул оттуда серую книжку дешевой бумаги на немецком языке и положил на стол. Всего за несколько секунд, пока это происходило, лицо Федора Петровича потеряло всю радость, которая на нем была, став простым лицом старого человека.

Эту книжку он узнал бы всегда. Пауза затянулась, потом Федор Петрович спросил как мог спокойно, но голос все же дрогнул:

– И что теперь?

– Так ты знаешь про это?

– Да, – вскричал Федор Петрович, – знаю!

– И это тоже?

Максим открыл заложенное место и начал читать немецкий текст прямо по-русски, с ходу:

«…После прорыва мы долгое время не встречали сопротивления, но у деревни Сеньково внезапно наскочили на ведущих земляные работы русских. Это были простые люди чуть более десятка и два солдата.

Русские солдаты попытались стрелять, но мы их почти сразу застрелили, хотя при этом тяжело пострадал ефрейтор Рильке, получивший пулю в лицо. Для нас это было досадно, люди были разгорячены и расстреляли гражданских лиц. Лейтенант Рейнхардт отправил меня с раненым ефрейтором и с докладом в штаб. Гауптман, Миллер ознакомился с докладом и расспросил меня о всех деталях. Он вызвал штурмфюрера СС, которому передал все случившееся.

Штурмфюрер немного поругал меня и всю нашу роту за излишнюю горячесть, а потом сказал:

– Сделайте побольше снимков убитых, потом захороните, желательно со священником, снимки передайте мне через лейтенанта.

Я выполнил все инструкции и через неделю увидел в местной газете статью о расстреле НКВД узников из тюрьмы с моими фотографиями…»

Когда Максим кончил читать, Федор Петрович уже не смотрел на него, да и не слушал, наверно.

– Папа, – спросил Максим, – Так что? Ты знал об этом?

– Знал, – тихо произнес Федор Петрович.

– Давно?

– Почти сразу.

– И почему тогда?

– Ты не понимаешь, Максим… Сынок, просто тогда время такое было, что нельзя было отступить. Я ведь только это все раскопал, газету эту нашел… Из деревни же вообще никого не осталось, никаких свидетелей, так я и могилу их нашел. Я один все это раскрутил, подготовил, начал дальше искать, все ищу-ищу, и вдруг эта книжка дурацкая! Потянуло этого фельдфебеля на мемуары! И не брал ее никто, и тираж всего четыреста штук, а я за ней месяц охотился и раскопал! Думал, ну, найду сейчас суперфакты, прибью этих сталинистов! И вдруг такой удар!

Федор Петрович развел руками

– Папа, так что с правдой то вышло?

– А что ты хотел чтобы вышло? Чтобы я пошел и признался, какой я идиот? В то время!

– А какое это было время?

– Да меня бы из здешнего «Мемориала» пинком вышибли в одну секунду! Ты хоть знаешь, сколько за присутствие на телевидении, на радио платят? Сколько нам из-за границы перечислили за все годы? Как ты в Гарвард попал?

Он потерял душевное равновесие, вскочил со стула и начал бегать по квартире, размахивая руками:

– Все, все мне за это дали. За ту правду мне пришлось бы с дипломом филолога работу искать. Кем? Грузчиком на рынке?! Ты маленький был, ты этого не помнишь, здесь же столько народу спилось, голодало… Даже в Москве дети на перекрестках милостыню просили. У меня жена была, мама твоя покойная и ты – ребенок.

– Папа, – перевал его сын, – двадцать лет прошло.

– И что? Нельзя отступать! Мы отступим, они вернутся.

– А ведь ты учил меня не по лжи жить…

– Прекрати! Это не то. Идет война, и мы должны показать людям… Федор Петрович начал путаться, в том, что хотел сказать, махнул рукой, оперся о спинку стула и устало произнес:

– Полвека они никому не нужны были, ничего про них неизвестно было. Я, я их нашел. Теперь их семьи хоть компенсацию получат.

– И ложь о том, кем были и как погибли?

– Неважно. Деньги сейчас понужней. Да и мало ли что там этот фельдфебель написал.

– Может быть. – согласился Максим, Только я ведь историк, я прочесал немецкие архивы и нашел записи этого штурмфюрера, отчет и черновик статьи. Фотографии там тоже приложены. Вот, в папке.

И он передвинул папку к отцу. Тот даже не стал смотреть ее.

– Зачем тебе все это?

– Просто приучили проверять все до конца.

– И ты проверил на мне…

– Хотел помочь. Не вышло. Я еще удивлялся: почему ты эксгумацию не требуешь провести? Теперь понял.

– Что ты понял? Ты понял, что теперь к нам никто не приедет? Каждый год толпа приезжала, снимали квартиры, сидели в ресторанах, кафе, сувениры покупали. Я умер бы, ты бы этим занялся, музей расширится. В одном музее десять человек постоянно работает, о них подумай! Я ведь не одному себе этим помог, люди вместо выпивки в музей на вечера ходит, они же про Гумилева,

Шаламова, Гиппиус, Пастернака, Ахматову, Вересаева ничего не знали. Теперь что? Скажешь им, что ложь все? Они же иначе не понимают!

– Папа, – Максим поморщился, – это не ларек! И не ресторан с борделем, чтобы его так, по наследству передавать. Каждый год теперь эту клоунаду с расстрелом устраивать?

– Тебе не понравилось? А вот цивилизованным дипломатам очень приглянулось.

– Мне показалось, что им особенно приглянулась выпивка и закуски. А этот спектакль был просто нелепым фарсом.

– А ведь ты, Максим, уже и говоришь не совсем как русский. – Федор Петрович покачал головой, – Выспренно, не натурально. Не поймешь ты русский народ, не нужна ему твоя правда, прибыли она не дает.

– И что теперь, молчать мне? – Максим глянул на отца исподлобья.

Федор Петрович медленно походил по комнате, – паркет скрипел по-разному, потом взмахнул руками и вскричал:

– Ну, заложи меня, как Павлик Морозов! Иди, вперед, в газеты письмо напиши на отца родного! Пусть меня расстреляют!

Максим откинулся на спинку и потер уставшие глаза:

– Папа, ты не хуже меня знаешь, что было с Павликом и его отцом. А если я это сделаю, то что, твоя родня меня в лесу потом зарежет?

– Не юродствуй. И не учи меня. Сейчас поздно, я устал. Я тебе все объяснил, и ничего хорошего в твоей идее нет. Завтра ты сам это поймешь и выберешь правильное решение.

Федор Петрович покачался с пяток на носки и продолжил:

– Можешь и опубликовать все это. Будет версия, просто версия, мало ли версий? Кто-то это напечатает и забудет через неделю. Эксгумация здесь не нужна никому, да и тревожить прах жертв никто тебе не позволит.

– Да, – он поймал мысль, – да. Завтра решай. Иди к народу, неси свою, хм, правду, и посмотри, куда отправит тебя народ. А я устал и иду спать. Только поем немного. – и он направился к холодильнику.

Молча они попили чаю, и Федор Петрович ушел спать. Шлепнул один тапок о пол, другой, легкий храп смолк, а Максим так и остался в столовой.

Так он и сидел там, когда в окна несмело засветило хмурое осеннее утро. Максим встал, подошел к окну, взглянул в рваный туман, ползущий в улицы.

«Да-а, – подумалось ему, – какое утро мрачное. Как раз для расстрела».

Ерофеева Зинаида Ивановна (Зинаида Лобачёва) – родилась 28 октября в г. Хилка, Читинской области. Окончила Бурятский сельскохозяйственный институт. Работала бухгалтером в Хушенге. Впервые опубликовала в районной газете рассказ «Рябчиха» в 2005 году. Сегодня её произведения известны всей России. Она неоднократный лауреат или дипломант не только региональных, но и всероссийских и международных литературных конкурсов. Прозаик. Член Союза писателей России. Живёт в селе Хушенга Хилокского района Забайкальского края.

Баба Надя

Осенним сентябрьским утром возле администрации села собралось много народу. Призывники стояли с рюкзаками, а кто просто со спортивной сумкой, но почти на всех были куртки-пуховики. Впереди зима. А судьба уготовила парням дорогу длинную.

Подъехали два больших школьных автобуса оранжевого цвета с прикреплённой к стеклу табличкой «Дети». Коренастый мужчина в военной форме зычно прокричал:

– Призавники-и, по машинам!

Толпа загудела. Женщины обхватывали за шею, целовали своих парней со слезами на глазах. Мужчины сдержанно жали руки друг другу и обнимались на прощание.

Большая семья Ивановых стояла отдельной группой. Пришли все родственники, даже баба Надя, девяностолетняя старушка, не осталась дома. Пришла с ходунками проводить внука и правнука на фронт. Правнук Лёшка горячо целовал беременную жену Катю и что-то шептал ей на ухо. А внук Константин сразу подошёл к бабушке, попросил:

– Бабуля, родненькая, богослови.

Старушка была из старообрядцев, сложив двуперстие на правой руке, размашисто осенила внука со словами:

– Господи спаси и сохрани.

Наклонив голову внука к себе, поцеловала его в макушку.

– С Богом.

Костя обнял бабушку.

– Бабуля, молись за нас и жди нас. Мы скоро вернёмся.

Рядом с бабушкой стоял его отец Василий. Он пожал сыну руку и крепко его обнял.

– Мы будем вас ждать. Вернитесь живыми и здоровыми.

К бабушке подошёл Леонид, с улыбочкой произнёс:

– Бабуля, ты наша надежда и опора, поглядывай тут за моей Катей.

– Ой, дитятко ты моё малое, – улыбнулась баба Надя и благословила правнука.

– Костя, – обратился Василий к сыну, – ты оберегай там этого охламона, молодой и горячий, не наделал бы глупостей.

Неожиданно к старушке подошёл соседский парень и попросил тоже его благословить. Баба Надя выполнила его просьбу. И вдруг многие новобранцы, прежде чем сесть в автобус, стали подходить к старушке. Та благословляла, кого не знала, спрашивала имя, чтобы малица за него.

Василий смотрел на мать и удивлялся. Пару месяцев назад она потеряла интерес к жизни. Плохо стала есть и спать. Её глаза потускнели. Она часами сидела в своей комнате и безучастно смотрела в одну точку, а сейчас её глаза искрились. Рука двигалась как у молодой, и она даже не держалась за ходунки. Неизвестно откуда в ней появилась немыслимая любовь к жизни, к этим парням, что подходили к ней.

Василий вспомнил про её юбилей в начале сентября. Она ни хотела ничего…

…Он зашёл к ней в комнату. Мать сидела на кровати, повернув голову к окну. Там вечерняя зорька раскрасила в малиновый цвет небосклон. Уходящее на покой солнце последними лучами высвечивало верхушки деревьев соснового бора, не давая сомкнуться густым сумеркам над засыпающей землёй.

Последнее время мать часто уединялась. Уставит свой задумчивый, слегка прищуренный взгляд куда-то вдаль и сидит так часами. В эти минуты её изрезанное морщинами лицо словно каменело. Оно не отображало ни радости, ни печали, в нём не было интереса к жизни, что особенно пугало Василия. Она здорово похудела, от былой красоты остались только большие карие глаза.

Глядя на неё, у Василия щемило сердце. Он, конечно, понимал – возраст берёт своё. Она уже полгода ходит с ходунками, но обладает хорошей памятью и неплохим зрением. По-прежнему всё в доме держит под контролем, ненавязчиво так, мимоходом выдаст вдруг:

– Васька, дверцу-то в садочке не закрючить, стоит распахнута.

Да он и сам видел, что дверца провисла, не закрывается, но в суете повседневных дел не доходили руки до такой мелочи. Материнское «Васька» действовало на него безоговорочно, хотя сам уже на пенсии и молодёжь его давненько называет Василием Петровичем, однако он всё ещё под приглядом и покровительством родной матушки. Детское имя, сказанное устами матери, наполняло его тело жизненной энергией, на спине словно крылья вырастали и, несмотря на букет болячек, осознавал – он ещё сын! Не только отец, дед, но и сын. Бросал всё и шёл ремонтировать дверцу.

– Мам, у тебя скоро день рождение. Чё подарить-то тебе? Чё ты хочешь?

Старушка отвернула голову от окна и уставила свой хмурый взгляд на сына.

– Ничаво не нада. Не гоношись.

– Да ты чё! Как не надо? У тебя ведь нынче юбилей: девяносто лет.

– Чё мне веселиться? Пролетел ещё годок, на шаг ближе к смерти.

– Ну, мам, ты даёшь, – возмутился Василий. – Я уже и сестре позвонил. Они завтра из Новосибирска вылетают.

Старушка оживилась, на лице появилась улыбка.

– Чё правда едет?

– Правда! И не одна, а с мужем и внуком.

Бабушка Надя всплеснула руками:

– Вай! Внучок, Петрушка, едет. Ево скоко лет не видала. Вырос-то, пади, как.

– Так институт уже оканчивает.

– Институ-ут? – переспросила старушка и стала считать на пальцах. – Точно, двадцать четыре годочка, мужик уже.

Заметив перемену настроения матери, Василий снова спросил:

– Так чё тебе подарить?

– Чё ты ко мне причапился как репей? Каво мне таперича нада? Я уже на похороны деньги складаю.

– Тьфу ты, – раздражённо сплюнул Василий и вышел из комнаты.

Мать уныло проводила его взглядом и снова погрузилась в раздумье: «Вот ить шалопай не разумеет, хоть и сам в летах, а не доходит до него – время моё ушло, подруженьки давно на погосте. Токо мне Бог смерти не даёт. Уже и здоровье забрал, кое- как хожу, а живу. Зачем? Для каво живу?»

Она поправила рукой подушку, легла, укрывшись теплым верблюжьим одеялом, притихла, пытаясь заснуть. Но где этот исцеляющий тело благодатный сон? Последнее время её мучила бессонница. Разные мысли крутились в голове. О будущем старалась не думать. Ничего хорошего уже не ждала. До полуночи ворошила своё прошлое. Там она была молодая, здоровая, любила мужа, растила детей. Там она была счастлива, но всё это былые времена, и не вернуть их назад. Но душой и сердцем она была там.

День рождения, по желанию юбилярши, решили справлять только родственники. С раннего утра хлопотали на кухне дочка и невестка. Внучата накрывали стол, украшая блюда не хуже чем в ресторане. Правнук Пётр тоже суетился: стаскал со всех комнат стулья, расставил их вокруг стола. Над диваном развесил красочные поздравительные наклейки, привезённые им из Новосибирска.

Бабушка Надя сидела в сторонке и смотрела на хлопочущее потомство. Впервые она не участвовала в приготовлении праздничного стола. Отстранила её молодёжь. Увидав, что Пётр несёт красивые гелиевые шары, возмутилась:

– Это ишо чё? Каво придумал? Ребятёшек нету, все выросли.

– А причём тут дети? Это бабуля для тебя, – Петр указал пальцем на шары. – Видишь, на красном шаре написано «С юбилеем», на желтом – «Поздравляем!», а на синем – «90 лет». Я ведь видеокамеру привёз. Снимать буду твой день рождения.

Старушка растерянно посмотрела на правнука, на яркие шары, которые впервые появились в её жизни, и мысленно помолилась: « Господи, спасибо тебе за добрые глазушки. Они позволили увидеть радостные лица родных, богато уставленный стол, украшенный дом. И всё это для меня. Благодарствую тебя…»

Ход мыслей прервал вошедший Василий. Потирая ладошки, он весело произнёс: – Всё готово, садимся дружненько за стол!

– Нет, нет! – возразил Пётр. – Прошу всех, господа, на диван. Пока все красивые, надо запечатлеть наше торжество. Бабушка в центре, остальные рядышком, как цыплятки возле курочки.

– Тогда и подарок сюда надо, – предложил Василий и, обернувшись к старшему внуку, скомандовал:

– Лёха, неси.

Через несколько минут Леонид вернулся с тонкой, но широкой коробкой, перевязанной красной лентой. Улыбаясь, поставил её возле ног прабабушки Нади.

– Вот тебе, бабаня, телек. Теперь ты сможешь его смотреть в своей комнате, когда захочешь, и не дожидаться, пока дед свой хоккей просмотрит.

Именинница подозрительно посмотрела на коробку:

– Я думала, картину какую прёшь, а ты телек. Чё-то тощий совсем.

– Бабуля, это современный плазменный телевизор, – пояснил Пётр. – Здесь есть все современные функции: два usb- порта, можно смотреть видео, слушать аудио, записывать интересные программы…

– Да брось ты, Петька, – прервал его Василий. – Чё мы в нём понимаем. Телепрограммы будут, и ладо.

– Разберётесь. Всё вам покажу и расскажу. Ничего сверхъестественного там нет, – улыбнулся Пётр и начал снимать. Фотографировал, делал видео. Возился минут двадцать, пока не зароптали родственники.

– Петька, хватит, утомил ты нас,- проворчал Василий. – За стол пора.

Все дружно встали с дивана и расселись за столом, усадив юбиляршу на почётное место во главе стола. Первое слово, по-старшинству, взяла дочь Мария.

– Мамочка, поздравляем тебя с днём рождения. Не каждому дано дожить да девяноста лет, а ты у нас молодчина. Здоровья тебе, долголетия, живи до ста лет нам на радость.

– Ой, куды стоко? Сто лет! Лишь бы до конца быть на своих ногах да при своём уме, отныне и до веку,- старушка перекрестилась и тихо добавила: – Не хочу быть обузой вам.

– Мам! – не выдержал Василий, сидевший рядом с именинницей. – Не наводи на меня тоску. Запомни: ты нужна нам любая. Смиренно примем всё, что пошлёт нам Господь. Я уже сам дед, но не могу даже представить, что тебя не будет рядом. Я поддерживаю Марусю – живи сто лет, отбрось все печали, живи и радуйся. Скоро ты будешь прапрабабушка! Вон, у Лёхи через полтора месяца сынок родится.

Старушка смахнула с лица, накатившуюся было слезу и заулыбалась, окинув взглядом располневшую жену правнука.

– Ну вот. Это другое дело, – повеселел Василий. – Бери рюмку. С днём рождения тебя. Будь счастлива!

Зашумело праздничное застолье. Зазвенели бокалы. Засмеялись гости. Старушка смотрела на весёлые лица своих родных, на сердце становилось тепло и радостно. Улеглись, растворились все тревоги, терзающие её душу.

Неожиданно в комнату вошла глава администрации сельского поселения с увесистой коробкой в руках.

– Всем здравствуйте, – произнесла она, улыбаясь. – Я к вам по поручению главы района и от себя лично с поздравлением. Дорогая Надежда Ивановна поздравляем вас с юбилеем. Будьте здоровы, живите долго и служите примером для подрастающего поколения. Для семейного счастья мы дарим вам электрический фарфоровый самоварчик с хохломской росписью. Пусть он вас балует горячим ароматным чаем ещё много-много лет.

– Лёха, неси ещё стул, – приказал Василий, усаживая гостью возле матери. Та приободрилась, наконец-то почувствовав свою значимость, уверенным хозяйским взглядом смотрела на родню. Выпивала по глоточку за своё здоровье, а когда гости пошли плясать, забыв о своих болячках, сидя

на стуле притопывала ногой в такт музыки и хлопала в ладоши, чем особенно занимала Петра, снимающего свою прабабушку.

Утром следующего дня мужики поставили телевизор в комнате юбилярши. Петр проверил все каналы, потом установил флешку и включил видео.

– Вот, баба Надя, посмотри, как мы живём: это наша квартира, дальше будет, как мы на даче управляемся, затем мы в Ялте отдыхаем и съёмки Новосибирска. Тебе тут смотреть на целый день хватит. Если захочешь телепрограммы включить, вот эту кнопочку надави, – объяснял Пётр, поднеся пульт к старушке, – выйдет «Меню» и выбери «Цифровое телевидение».

– Ой, каво я! Ты ево научи, – она ткнула пальцем в Василия.

– Да его-то что учить? Есть инструкция, разберётся.

Мужчины пошли к столу, а баба Надя прильнула к телевизору. Не могла поверить своим глазам – дочку её, Марусю, по телевизору показывают.

Перед обедом в комнату вошёл Василий.

– Мам, ты как себя чувствуешь? Чё-то не выходишь.

– Ой, Васька, дивлюсь. Какой город-то бравый, как люди-то браво живут. Наша Маруся-то в море плещется.

– А ты говорила, ни-ча-аво не надо, – рассмеялся Василий. – Видишь – жизнь хорошо и жить надо. А самовар-то тебе какой подарили! Пойдём, мы чай вскипятили.

За новеньким самоваром беседа потекла о наболевшем. Седьмой месяц на Украине идёт спецоперация. Трое деревенских парней заключили контракты и уехали воевать. Леонид тоже было собрался с друзьями, но молодая жена объявила ему, что беременная, он и присел. Как ни крути, а украинцы, братский народ, попросили о помощи, и русские парни надели военную форму. Люди мечтали об одном: скорей бы закончилась эта война и ребята вернулись домой.

Но через несколько дней после юбилея бабушки Нади, двадцать первого сентября, по телевизору объявили о частичной мобилизации. Планируют призвать триста тысяч новобранцев. На следующий день военрук носился по селу, вручая повестки. Не обошёл и их дом. Вручил повестку Леониду.

Узнав об этом, отец Лёхи, сорокалетний Костя, офицер запаса, помчался в райвоенкомат и пошёл на фронт добровольцем.

Расстроенный Василий кружил по дому. Невестка в слезах. Жена слегла: давление высокое, пьёт одну таблетку за другой. Зашёл в комнату матери.

Она сидела на кровати, опустив голову, задумчиво глядела на кота, свернувшегося клубочком у её ног.

– Мам, ты как себя чувствуешь?

– Ничаво. Не хвораю. Тока душа ноет, – она подняла голову и посмотрела на сына заплаканными глазами. – Ты, Васька, коли чушку.

– Да ты чё, какую чушку? – Василий очумело окинул мать взглядом. В голове у него молнией промелькнула мысль: «Спятила старуха».

А она, словно угадав мысли сына, тихо сказала:

– В своём я уме. Коли чушку. Хошь она ещё и небольшая, а коли. Парни наши на войну идут. Проводить их надо по-людски. Ишо в котомку надо сытную снедь накласть. Там из горькой чаши хлебать будут и вспомнят не раз нашу жарёху. Вспомнят тепло родного дома. Водки на свежину много не бери. Чекушки хватит. Им завтра ехать.

Василий молча кивнул головой. Права. Как всегда, права. Сам бы он и не сообразил. Но умудрённая жизнью мать говорит истину. Парни идут на фронт. Там тяжело, кровь и смерть. Чтобы иметь мужество победить врага, надо сохранить в душе тепло, любовь родных и надежду на скорое возвращение домой.

Вечером в доме Василия собрались все родственники. Вкусно пахло жареным мясом. Вроде всё было как всегда, но в доме повисла напряжённость. Родня с тревогой поглядывала на Константина и Леонида, а те балагурили без остановки.

– Чё вы так напряглись?- шутил Леонид, обнимая жену. – На крестины сына я уже буду дома.

– Твои речи да Господу в уши, – тут же вставила баба Надя.

– Я думаю, мы скоро управимся, – поддержал сына Константин. – Военная техника у нас современная, территория освобождения небольшая. Не переживайте, всё будет хорошо…

...Автобусы с призывниками уехали. Люди стали расходиться по домам.

– Васька, – сказала баба Надя,- догони-ка Климиху. Они овец держат. У них шерсть должна быть. Спроси, скоко стоит и скоко её. Всю заберём.

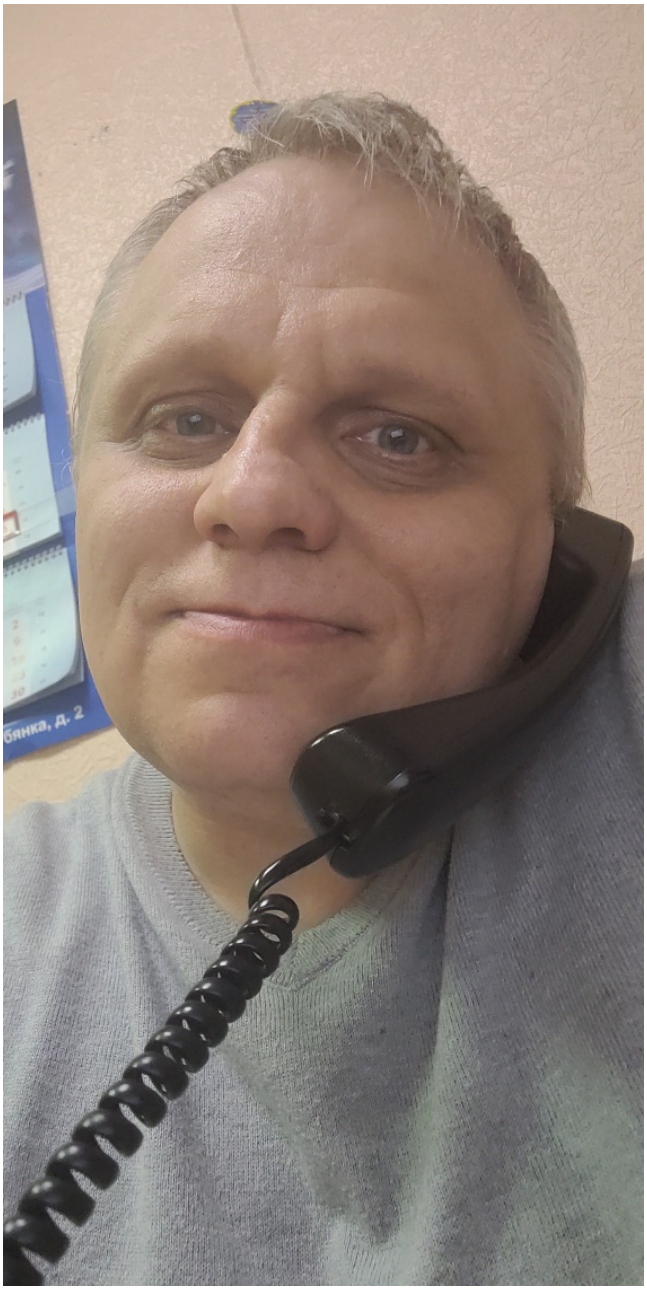
– А зачем тебе много? На пару носков договорюсь.

– Пошто ты такой? Я тебе чё сказала? – осердилась старушка. – Скоко есть, всю заберём. Видал теперича скоко крестников у меня, и все голоручьи. Зима скоро, загызнут ведь.

Бабушка Надя принялась прясть шерсть и вязать солдатам носки да рукавицы. Сидит возле телевизора, вяжет. Василий радуется. Мать, занявшись нужным делом, ожила. Узнав об этом, многие женщины в селе тоже стали вязать. Носки умели вязать все. Но вот как варежки связать для солдата? Вопрос. Нужно отдельно вывязывать большой и указательный пальцы для стрельбы. Женщины шли учиться к бабе Наде. Та с большой охотой показывала приёмы вязания. Девчата тоже не остались в стороне – создали в Интернете группу «Своих не бросаем». Стали шить балаклавы, делать меховые стельки, собирать гуманитарную помощь для солдат. Даже школьники помогали: младшие писали письма, рисовали рисунки, старшие плели маскировочные сети для сокрытия военной техники, делали окопные свечи.

Вскоре группу подхватили в Чите, постепенно она охватила всё Забайкалье. Люди как могли поддерживали боевой дух бойцов, вселяли в них веру и надежду…

Леонов Роман Васильевич (Артём Леонович Чепкасов) – родился в 1980 году в Новокузнецке Кемеровской области. Работает старшим оперуполномоченным уголовного розыска. Планирует после выхода в отставку перебраться поближе к морю. Пишет рассказы и повести. Является членом творческого союза русскоязычных литераторов ЛитО «Щеглы». Дважды становился лауреатом наших (калининградских) литературных конкурсов. В настоящее время живёт и продолжает служить в городе Новосибирск.

Связист

Неизвестным солдатам, увы, не последней войны посвящаю…

Птиц, как далеко дома, здесь не было. И даже с наступлением рассвета они не щебетали радостным разноголосием. Во всяком случае за те три недели, что Сашка провёл в тёплой землянке на краю небольшого аула посредь высоченных гор, равнодушно взиравших голыми буками и тополями с крутых склонов на новую драчку народов. И попробуй-ка, разберись из-за чего в этот раз? Но продрогший за очередных два часа еженощного боевого охранения солдатик, разбираться во всех хитросплетениях политики вовсе не хотел и размышлял только о них – о птицах, по которым так сильно истосковался. И Сашка, конечно же, понимал – ранняя весна. Какие в эту пору птицы? Но всё же там, на берегу родной Балтики, ледяной и такой же блекло-серой в марте, как и скалы окрест, птицы были везде. Уж вечно голодные чайки – наверняка.

Ещё маленьким Сашка с матерью в любое время года и в любую погоду по воскресениям ходили на песчаное побережье и любовались они не столько бескрайним и грустным морем, сколько отчего-то всегда хмурым над ним небом. Или это Сашке только казалось так теперь? Из-за невыносимой сырости. А на самом-то деле там, в детстве, было всегда – всегда тепло. Даже в январские и февральские ветра, беспокоящие, а порой сносящие ко всем чертям любого на своём пути. И лишь ужасно крикливые чайки, нещадно бросаемые ненастьем туда – сюда, неотлучно висели над Балтикой. И, глядя на них, мама каждый раз вспоминала своего дедушку. Это он, военный лётчик – истребитель, с малолетства приучил её ходить к морю каждый выходной. Правда, суббота выходным никогда не считалась – обязательно генеральная уборка дома, где за неделю, пока работали и учились, всякой дряни накапливалась уйма. Но зато в воскресение, пускай всего на каких-то десять – двадцать минут, прогулка к морю была семейной традицией. И мама часто говорила Сашке, как его прадед подолгу лежал на песке и молча смотрел на чаек, снующих под низкими облаками.

Серебром на своих перьях, лениво играющих в лучах солнца они всякий раз напоминали ветерану далёкой войны самолёты. То его первый воздушный бой над Ленинградом, а то последний над Кёнигсбергом, когда с простреленной в нескольких местах рукой, он успел вывалиться из горящей кабины и рвануть кольцо парашюта.

Руку отняли в госпитале, куда доставили без сознания из крестьянского добротного сарая, до которого и смог кое-как доползти, когда приземлился. Немцы уже не сомневались, советская армия вот – вот придёт и лучше будет красного командира сберечь да передать им, чем своим отступающим частям. Эсэсовцы убьют всех. Просто от неуёмной злобы.

Но о счастливом спасении при помощи испуганных и отчаявшихся немцев старый лётчик, наверное, никогда не вспоминал и мама рассказывала только о том, как, глядя на чаек в небе, он видел лишь ураганные воздушные бои над холодными водами доисторической Балтики.

– Стой! Кто идёт?! – увлечённый воспоминаниями, Сашка услышал шаги уже совсем рядом и вскинув автомат, опустил скобу предохранителя.

Готовый принести неуёмное горе в чей-то дом, патрон в патроннике притаился ещё с момента выхода на пост. Так научили сразу, как только Сашка приехал на свою войну.

– Тише ты, – пригрозил сменщик из старослужащих, рядовой Бычков. – Вот только шмальни мне, придурок. Дрых, поди?

– Никак нет, – отрапортовал Сашка, вернув автомат за спину.

– А чё орёшь, будто с неожиданности? Не, не хочешь, я тебя менять не стану, мёрзни дальше…

– Не спал я, – упрямо повторил Сашка. – Задумался.

– О чём, воин? О тёлках что ли? – усмехнулся Бычков. – Так тебе ой, не скоро теперь. Мне вот на днях уже, а тебе ещё трубить и трубить.

– О птицах, – ответил Сашка. – Пост сдал.

– Пост принял, – согласился Бычков и посмотрел в спину удаляющегося к землянке духа. – Лихой, постой-ка!

Сашка послушно остановился, не сомневаясь: дедушка заставит отстоять его и за себя.

– Лихой, а скажи мне, откуда ты в армии взялся такой?

– Какой?

– Ну, такой вот весь… Фамилия ого-го, а сам пришибленный… Птички там всякие, цветочки, прочая ерунда…

Опасаясь, что Бычков опять станет подтрунивать, Сашка ответил уклончиво:

– Оттуда же, откуда и все. Призвали…

– Призвали. Виноват военкомат, да? – передразнил Бычков. – Все да не все. Я бы вас таких очарованных от армии подальше держал бы. Ладно, душара, иди спать, пока дедушка добрый, а то подъём скоро и опять весь день тупить будешь.

Вырубился Сашка сразу, так и не поняв, разрядил ли оружие. Впрочем, если бы забыл, то сержант Ворохов, ленившийся ходить на смену часовых в пятнадцати метрах от землянки, но при том пристально следящий за нехитрым процессом от самого порога, напинал бы молодому бойцу от души. Так что автомат Сашка, конечно же, разрядил. Но вскоре зарядил снова.

– Лихой, подъём, – вполз в спящее сознание солдата тихий голос взводного.

Сашка сел и принялся усиленно растирать непослушные, всё ещё спящие глаза.

– С блоком на том краю аула, на дальней дороге который, опять связи нет. Бери катушку и вперёд, пробежись по всей линии, проверь, где разрыв.

Сашка послушно встал и пока искал бобину, окончательно проснулся.

– Понятно, что никакого разрыва нет. Дурная мабута эта опять, поди, ташку из-под грибка на улицу выкинула, чтоб самой под дождём не мокнуть. А он и не лил считай. Но они же там нежные все, в пехоте своей…

Бабину Сашка отыскал под нарами и, стараясь не шуметь, выкатил кое-как да поднял к глазам. Осмотрел: тяжёлая ещё – должно хватить проводов.

– Лихой, автомат не забудь. И каску с бронником, Лихой. А то помнишь, на той неделе у соседей тоже пацана – связиста снайпер домой отправил, – напомнил командир взвода и не переставая бубнить, привычно извинился. – Скоро совсем рассветёт, потому один идёшь, ничего страшного не должно случится. Они же по ночам шакалят и ночью я тебе дал бы кого в помощь, а сейчас, пусть ещё чуть – чуть поспят...

Однако ночью командир взвода тоже никого Сашке не давал. В армии у всех свои задачи, и рядовой Лихой – единственный штатный телефонист – линейщик взвода связи сводного мотострелкового батальона. Одному ему и бродить в поисках разрывов телефонного кабеля вокруг неприметного чеченского аула. А в перерывах между основной работой выходить на охрану машин связи: электропитающего Зилка да командно-штабного Газика с неустанно спящим в кунге радистом. Борзым от своей привилегированности.

«Кто ишачит в дождь и грязь? Наша доблестная связь. Если нет дождя и грязи, так на них орёт начальник связи», – с трудом переставляя тяжеленые сапоги и через каждые две – три минуты поправляя неудобные, при каждом шаге сползающие на бок бронежелет с каской, Сашка всё вздыхал и вздыхал да, грустно ухмыляясь, медленно продвигался вокруг спящего аула к затихшему блокпосту: «Рожа в мыле, руки в грязи – Вы откуда? Мы из связи».

За то короткое время, что Сашка спал, дождь и в самом деле прошёл несильный, но месиво стало гуще.

Эх, пройти бы нормальным шагом по обычным улицам аула, однако заходить на вражескую территорию числом менее пяти человек и без сопровождения офицера, категорически воспрещалось. Мало ли к кому из своих родственников внезапно нагрянули ночью боевики? Они же тоже живые и им, загнанным федералами в горы, тоже ведь холодно и кушать хочется. Поэтому по одиночке и даже парами к блокпосту и обратно всегда ходили только по полю, сильно огибая аул – видно тебя хорошо и далеко. До середины пути – ваххабитского кладбища с устремлёнными ввысь пиками, за тобой ещё наблюдают с крайнего поста пункта временной дислокации батальона. А дальше – уже с самого блокпоста, связи с которым нет постоянно и всегда по какой-нибудь глупости. И поэтому идти один Сашка нисколечко не боялся, если только в самый – самый первый раз. Хотя, послушать командиров, так можно подумать, что леса и горы не были вражеской территорией – вона сколь жаждущих мести чехов на пути связиста лежит. Сашка поначалу даже пробовал пересчитать пики на кладбище, но всякий раз со счёта сбивался и в конце концов попросту принял их как должное. Как неотъемлемую и, может быть, даже очень важную деталь войны – без переполненных кладбищ её не бывает.

Сашка остановился, степенно огляделся, задержал взгляд на кладбище и перевёл дух. Почувствовав сильную усталость, он захотел было сесть, прямо во влажную прошлогоднюю листву, но, понимая, что подняться через несколько минут сил у него уже не будет, снова вздохнул и пошёл дальше.

А, вообще, по-дурацки как-то вышло всё с этой долбанной армией.

Со школы Сашка хотел быть милиционером и во солдаты даже не стремился. Но в школу милиции, так некстати за год до того повысившей свой уровень до профильного милицейского института, Сашка не поступил – денег у мамы не хватило. Не из блатных семейка, а второго шанса не дали и призвали на срочную службу уже в октябре. Одним из первых. И мама всё не могла нарадоваться, что служит Сашка в Сибири, да ещё связистом, а не на Кавказе в каком-нибудь спецназе.

Мама радовалась, Сашка – нет. Солдатская жизнь не понравилась ему с первого дня и всё, что происходило с ним полгода учебки, он считал откровенным идиотизмом, о чём не боялся говорить вслух, за что и бывал не раз бит да не одними старослужащими, а и офицерами с сопризывниками.

Хотя нет, шанс-то был, да только вот сам Сашка, такой весь складный и послушный, вдруг ко всеобщему удивлению заартачился. Родная сестра классного руководителя была замужем аж за подполковником из военного института связи в Санкт-Петербурге. И коли уж так сильно Саша хотел связать свою жизнь с погонами, то, учитывая, что и в военные институты все поступают по большому блату, сыночки полковников да генералов, можно было бы договориться, и стал бы мальчик курсантом. Совершенно бесплатно. Просто не там, где хотел. Но Саша не хотел.

В армии он себя не представлял от слова «совсем», а уж тем более в войсках связи. Что это и с чем едят её, армию эту и особенно связь? Зачем? Зато армия Сашку представляла в своём строю очень даже ничего себе. И после прохождения курса молодого бойца он оказался в связистах, где тонкому ремеслу телефониста – линейщика, старослужащие обучали довольно-таки необычно. Оголённые провода от армейского телефона, брезгливо обзываемого ташкой, деды наматывали на пальцы ног спящих духов и резко крутили небольшую ручку телефона. Убить током не могло, но трясло так, что Сашке становилось яснее ясного – лучше бы он по блату стал курсантом военного института связи. Ну, раз уж всё равно судьбе угодно было напялить на него тяжеленую бабину с проводами и бегом, бегом, всегда только бегом, километров пять по сугробам под Новосибирском, где и располагалась армейская учебка.

Измазавшись в грязи, Сашка проверил весь кабель, но разрыва, как и следовало ожидать, не нашёл.

– Эй, черти, опять телефон выкинули и таблетки намокли? – зная, что в эти сутки на блоке дежурят такие же молодые бойцы, как и он, а потому не боясь получить за дерзость, Сашка уверенно шагнул на территорию небольшого блокпоста.

На то, что ему не ответили, Сашка не обратил внимания и, с нескрываемым удовольствием стащив с головы каску да оставшись в тоненькой вязанной шапчонке, в два счёта очутился у промокшего грибка. Армейский телефон – складывающаяся, как чемодан коробочка, был на своём месте и, спасаясь от дождя, никто его не выкидывал, но провода были отсоединены.

– Эй, спите что ли, уроды? Родину так проспите…

Улыбаясь необычайной лёгкости обычного своего дела, связист сноровисто подключил провода и через миг, ничего не успев сообразить, перестал вдруг дышать да оказался в кромешной темноте.

– Ты кто? – послышалось вкрадчивое, но говорившего не было видно.

– Связист, – прошептал Сашка, почувствовав, что руку от его рта убрали.

– Один?

– Да, – Сашка понял, с ним говорят не его сослуживцы.

Голос был не солдатским – мальчишеским, а тяжёлым, охрипшим. Гортанным и с явным акцентом. Как Сашка, не говоривший ни разу с местными, потому что и этого командирами не разрешалось, определил чужака, объяснить он не смог бы, но зато вспомнил, что на подходе к блокпосту у него никто не спросил цифровой пароль. И ему бы уже тогда остановиться бы да осмотреться повнимательнее, а он…

С него сняли автомат и в бешено пульсирующие виски пролезло-таки обжигающее слово «плен», но страшно не стало. На смену этому слову, будто бы Бычков самому Сашке всего час назад, пришли другие слова: «А где солдаты с блока? С ними что?»

– Почему один?

И вот тут-то уже стало страшно.

– Не знаю я… – губы затряслись, а слова стали путаться, словно это не невидимые боевики допрашивали Сашку, а он оправдывался перед мамой за очередную двойку по алгебре. – Связи не было… Товарищ младший лейтенант сказал… Проверить…

– Сколько вас в лагере? Бронетехника какая? Гранатомёты, пулемёты, сколько?

– Я не знаю, дяденька… Я… Я связист… Рядовой я…

– Да, ты не трясись, не трясись так сильно, связист. Не знаешь и не знаешь, и ладно. Мы тебя не больно убьём…

– Я правда – правда не знаю…

– Да, не больно, – подтвердили из темноты. – Мы же не звери какие, чтобы мучить. Мы тебя также, как этих вот, которые тут до тебя бдели – бдели, да всё и пробдели…

– Заткнись ты, надоел, – осадил первый голос второго. – Скажи, связист, а разве командиры ваши не учат вас, что на посту спать нельзя?

– Учат… – по щекам поползло тёплое, влажное и вместе с этим не надежда, нет, но что-то отдалённо на неё похожее. – Дяденька, отпустите… Пожалуйста…

– Отпустим, отпустим, солдат… Ты не бойся… Тебя как зовут?

– Саша…

– А фамилия?

– Лихой…

– Лихой, – тесное помещение взорвалось изнутри хохотом сразу нескольких глоток. – Мама, папа есть? Деньги есть? Смогут за тебя заплатить?

– Мама у меня только, а денег нет, – в горле встал ком и рыдать, хоть и очень хотелось, а не получалось, и слёзы всё душили и душили так, что боевикам и не придётся убивать его самим.

– А откуда ты, связист?

– Из Светлого, – прошептал Сашка, ощущая, как горло сжимается в страхе всё сильнее и сильнее.

– Откуда? Где это?

– Из Светлого, – повторил Сашка. – Калининградская область, на море прям… Балтика…

– Балтика, – задумчиво протянул невидимый голос. – А зачем тогда тебе, солдат, моё море, Чёрное, если у тебя есть своё? Зачем ты пришёл на мою землю? Чего тебе не хватало на своей…

– Я не знаю… Я не знаю, правда, дяденьки… – спазм рассосался неожиданно, и связист зарыдал от отчаяния.

– Так и Балтика не его море. У поганой Москвы, вообще, ни моря, ни земли нет. Она у всех всё украла. У немцев, у нас, у поляков, у казахов…

– Неправда, – неожиданно прохрипел кто-то внизу и сквозь слёзы Сашка вдруг разглядел в темноте шевелящееся тело, из-под которого что-то медленно выкатилось.

Как волшебный клубок – спаситель в забытых давным – давно детских сказках.

– Граната! – страшно заорал боевик, но Сашка услышал не его, а полуживого солдата на полу:

– Беги, связист…

Ощутив ослабшую хватку убийцы, Сашка рванулся изо всех сил, больно обо что-то ударился и в долю секунды очутился на улице, где вовсю разгорался новый чеченский день – бесстыдник, обещавший скорый мир так же лживо, как и прошедшие его братья.

– Сюда! Сашка, сюда! – донеслось со стороны наперебой и связист, остолбенев, не сразу узнал голоса Бычкова и Ворохова.

– Сюда, Лихой! Сюда! Да не стой же ты, придурок! – кричал уже силуэт взводника и последующего через мгновение взрыва Сашка не услышал.

Потом он, оглушённый восемнадцатилетний мальчик с острой болью во всём теле, но абсолютно обескураженный от своего счастья быть живым, лежал на носилках рядом с развороченной постройкой маленького блокпоста, под грудами которой остались лежать вместе ничем непримиримые враги – три русских солдатика и несколько боевиков. Этими же камнями с досками сильно побило и Сашку, но его вскоре вытащили из-под завалов. И теперь вокруг суетливо бегало много военных и милиционеров, а неподалёку от них за происходящим внимательно наблюдали местные мужчины.

Чеченцы, и Сашка догадывался, это они предупредили батальон о захваченном блоке – им разборки с федералами не нужны. Но о чём они думали теперь? Впрочем, ясно же, что и они просто-напросто устали от долгой войны. Гораздо сильнее Сашки. Но у них, в отличие от него, выбора не было. За них решил кто-то, а за себя он решал сам.

Он мог не ехать на Кавказ, отказаться от командировки и при распределении из учебки продолжил бы тянуть лямку в Приморье – чем не родная Балтика? Но Сашка выбрал иное и зачем-то поехал на войну. Доказать себе, что не маменькин сынок, а мужчина и воин. Так на боевые связисты почти не ходят, за редким исключением и всю командировку торчат в опостылевшем пункте временной дислокации – как же тут проверишь свою удаль. А, может, всё было куда сложнее и непостижимее умом солдатика – связиста? Нет, Сашка не знал ответов на вопросы, как не знал и тех, кто только что хотел забрать его жизнь, и того, кто эту жизнь ему подарил.

Связист в сильно испачканном камуфляже, с надёжно перебинтованной в несколько слоёв головой и рукой на такой же перевязи, просто лежал и не мигая смотрел на далёкий и прекрасный город. Хорошо разглядеть его возможно было только ночью, а с наступлением дня, как и сейчас, он без

следа растворялся в сизой дымке, накрывавшей его вместе с безмерно уставшими от вражды горами и единственной в этих местах неказистой дорогой, связывавшей между собой Чечню и Дагестан.

Через час на этой дороге возникнет новый блокпост с реющем на ветру российским знаменем, и вскоре Сашка Лихой опять будет ходить вокруг аула мимо кладбища неотомщённых боевиков, выискивая в непролазной грязи обрыв кабеля да, околевая по ночам на посту, смотреть на мирные огни южного красавца Хасавюрта и искренне улыбаться им, наверняка зная, война обязательно когда-нибудь кончится. Он вернётся на песчаный берег Балтийского моря и долго – долго, как прадед, будет смотреть на чаек.

Только старый лётчик видел в них самолёты и воздушные бои, а связист будет видеть лишь прекрасных, сильных птиц, как тот орёл, что парил теперь высоко над ним. И вместе с птицами Сашка отныне и всегда будет ценить такой невозможно хрупкий мир людей. Мир, что в любую секунду может снова взорваться и оглушить…

Белый Константин Владимирович – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Краевский Андрей Александрович – родился в 1950 году в Москве. Русский писатель, историк, педагог. Член Союза российских писателей и Южнорусского союза писателей. Автор многочисленных рассказов и очерков на темы отечественной и всеобщей истории. Разработал

авторский курс «Генезис современного мира». Живёт в Москве.

Наши мёртвые нас не оставят в беде

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые…
«Он не вернулся из боя»
Владимир Высоцкий

Многое в сегодняшнем мире меняется чересчур быстро и необъяснимо, но всё-таки россияне ещё помнят своё прошлое, скорбят о трагичности Отечественной истории, чтят и поминают павших предков, и надеются на то, что следующие поколения тоже их не забудут. А в нынешнее время сохранить историческую память и глубинный инстинкт отличать Добро от Зла – это уже подвиг – **подвиг Памяти**.

А что с памятью европейцев? Они хорошо помнят, как приходили на русскую землю в объединённых армиях под предводительством французов, немцев, поляков, но стараются забыть, чем всегда это заканчивалось. Где памятники их победам, одержанным ими на своей земле? Победам, в которых ценой нечеловеческих усилий всей нации ломался хребет интервентов? Таковых не имеется по причине отсутствия в истории Франции, Германии, Польши, Литвы и других европейских «гегемонов» таковых сражений.

Конечно, есть мемориал в Нормандии, но посвящён он высадке британских и американских

союзников в мае 1944 года, то есть не самим французам. В Германии, в Лейпциге находится огромный – 91 метр высотою – напоминающий гигантский мавзолей мемориальный комплекс. Прославляет он «*Битву народов*», состоявшуюся через год после Бородинского сражения – в середине октября 1813 года, и решившую судьбу и Германии и, в конечном итоге, всей Европы, навсегда положив конец глобальным амбициям Наполеона. После неё военные действия перенеслись уже на территорию Франции, где объединившиеся народы Европы победили, наконец, «*корсиканского людоеда*». Но в «*Битве народов*» против Наполеона сражались солдаты из стран половины тогдашней Европы: пруссаки, шведы, австрийцы, венгры, хорваты, и, в первую очередь, русские – именно там пал один из героев Бородинской битвы генерал Неверовский и ещё семь русских генералов. Из 54 тысяч убитых воинов объединённой армии 23 тысячи были русскими солдатами. Вклад предков современных немцев оказался значительно скромнее – у них погибло 16 тысяч солдат (у других союзников и того меньше: у австрийцев – 12 тысяч человек, а шведы потеряли всего 300 человек). Видимо поэтому они и не торопились строить сей гигантский мемориал – его открыли только к столетию сражения в 1913 году, уже накануне Первой Мировой войны.

На берегу Рейна немцы соорудили в 1883 году ещё один циклопический мемориал, водрузив статую имперской матери-Германии высотой 38 метров, 225 метров над уровнем Рейна. Но причиной возведения этого нидервальдского памятника было объединение Германии по итогам победоносной войны со Второй империей Наполеона III и создание Второго Рейха в 1871 году. Пруссия в той войне выступала в роли агрессора, поведя за собою против Франции большинство тогдашних германских государств. К защите германского отечества те события не имели ровным счётом никакого отношения.

А про Великое княжество Литовское, вошедшее по Люблинской унии в 1569 году в Речь Посполитую, и говорить нечего: добровольное слияние тут же обернулось поглощением. Интервенции не произошло, но все победы Речи Посполитой – федеративного республиканского королевства шляхты – Польша присвоила себе, распространившись за счёт Литвы «*от можа до можа*» (от моря до моря). Никакого противодействия, сопротивления или даже громкой декларации против этой интервенции литовцы не выразили. Разве что, воспользовавшись конституционным правом на «*рокош*» – мятеж недовольного меньшинства шляхты решениями Коронного Сейма – литовская православная шляхта объявила себя диссидентской Слуцкой конфедерацией, спровоцировав 1-ый раздел Речи Посполитой в 1772 году. Произошло это потому, что в ответ под покровительством Пруссии была создана Торунская конфедерация (протестантская), ну а противники и России, и Пруссии организовали католическую конфедерацию в украинском городе Баре. Суворов разгромил католическую Барскую конфедерацию, что и привело вскоре к разделу. Ну а польские «патриоты» проявили себя только тем, что создали «*памятник вечному противостоянию с Россией*»: национальным головным убором польских военных стала так называемая «*конфедератка*» – фуражка с четырёхугольной тульёй, которую до 1772 года носили участники Барской конфедерации.

И сколько бы поляки (а уж про литовцев и говорить не стоит!) не свергали на своей земле памятников русским «поработителям», взамен им они не поставили ничего! Потому что просто нечего увековечивать! Ни один европейский столичный город не испытал, оставшись неприступным, 900-дневной убийственной блокады. Не было в Европе ни одного *города-героя*: жители прекрасных городов любили и берегли их красоту, поэтому сдавали без боя и Париж, и Берлин, и Вену не по одному разу. А чтобы хранить память о столь печальных событиях не нужно устанавливать монументы – достаточно груза «тяжкого морального выбора», который был сделан во имя спасения… национальной красоты!

Не было в Европе ни одной своей Брестской крепости, ни трижды героя Смоленска, ни дважды героя Севастополя, ни Ленинграда, не сдавшегося врагу за всю 900-дневную ужаснейшую блокаду,

не было ни Полтавы, ни Бородино, ни Сталинграда. Даже Москва, отданная без боя Наполеону на поругание, превратила *Великую армию* императора в гигантскую деморализованную толпу, которую по её собственному убеждению победил покровитель русских всемогущий «*генерал-мороз*». А вот во Вторую Мировую войну гитлеровские войска, тоже без боя занявшие Париж, без особого напряжения сохранили боеспособность своей армии за все 50 месяцев оккупации Парижа, какие бы «героические усилия» для их морального и духовного разложения не предпринимали французские режиссёры и актёры, снимавшие фильмы и игравшие в них не по принуждению немецких властей, а по зову сердца. Именно в годы оккупации звёзды эстрады мировой величины Морис Шевалье, Эдит Пиаф, Ив Монтан и другие «героически» выступали перед военнослужащими гитлеровского вермахта, по договорённости с которыми ездили по концентрационным лагерям, где пели для поднятия духа французских пленных солдат и офицеров. По легенде, они сильно рисковали при этом: фотографируясь в непринуждённой лагерной обстановке с офицерами лагерной же администрации, они, оказывается, потом использовали эти фото для изготовления фальшивых паспортов членам французского Сопротивления! Смех, да и только!

Цепочка, что тянется от Москвы до Парижа на 800 лье (3200 километров) – Литва, Польша, Германия, Франция, не говоря уже об Австрийской империи и Италии – вся состоит из звеньев «высокогуманной ковки», выполненных мастерами, любившими жизнь свою и своих «изделий» сильнее, чем свободу и суверенное существование своего Отечества. На всём этом пространстве не существует в среде европейского населения понимания, зачем эти русские тратят так много усилий, времени и средств на создание всё новых и новых памятников войне, со дня окончания которой скоро будет уже 80 лет?! По их представлению и пониманию мы таким образом «бряцаем оружием» и хвастаемся шрамами и былыми победами над ними… Лучше бы жили веселее, беззаботнее – как они сами – жизнь-то такая короткая…

Но не жизнь короткая, а память короткая у тех, кому и вспомнить-то нечего, кроме сдач без боя столиц Европы, традиционно включавшим торжественный вынос ключей от любимых городов. Чего Наполеон так и не дождался от Москвы, стоя на Поклонной горе. А дождался он грандиозного рукотворного пожара, от которого едва спасся, бежав из Кремля по Петербургскому шоссе. И очень удивлялся этому, не понимая, что город свой москвичи сами подожгли для того, чтобы в огне погубить интервентов, чтобы не досталось им ничего, чтобы погибнуть, но не сдаться.

А чтобы потомки не забыли славные деяния предков, охранявших Родину как мать, а Отечество – как свою семью, в России с давних пор возводили памятники событиям и людям, связанным с высокой жертвенностью во имя Родины. Сначала это были часовни и храмы, посвящённые тем или иным православным праздникам, на день которого пришёлся подвиг народа, защитившего Русь-Россию от иноземных полчищ. Позже часовни и храмы стали возводить, освящая их во имя канонизированного церковью героя или его небесного покровителя. А после реформ Петра I и Екатерины II, направленных на европеизацию России, в результате которых отечественная культура приобрела светский характер, начали устанавливать гражданские монументы и фигурные памятники в тех местах, где россияне совершали коллективные или индивидуальные подвиги, без раздумий вставая на защиту Родины, забывая о собственной жизни.

Так возникли монументы на Куликовом поле, на реке Угре, на поле Полтавского сражения, на Бородинском поле. В Нижнем Новгороде, где мещанин Минин стал призывать раненного князя Пожарского к освобождению Кремля от польских войск. Во Пскове, где святой благоверный князь Александр Невский с дружиной остановил в XIII веке «*drang nach osten*» – «*натиск на восток*» европейского рыцарства. А в Севастополе так появился монумент, установленный в память затопленного в 1854-55 годах черноморского парусного флота, закрывшего вход на рейд Севастополя города флотам Турции, Сардинского королевства, Франции и Англии, чтобы помешать бомбардировке города. А в Волгограде – великий мемориал, где *Родина-Мать* с мечом в поднятой руке, оглянувшаяся на детей своих, призывает: «*Вставай, страна огромная! Вставай на смертный*

бой!»

Не под впечатлением ли этих памятников Народный поэт Владимир Высоцкий воскликнул: «*Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты*»? Дитя народной Войны, в силу возраста не успевший на неё, он смог в своих стихах выразить боль, кровь и трагедию всей нации, её состояние, как и состояние каждого человека, пережившего фашистское нашествие. В стихах и песнях Владимира Высоцкого зримо встают герои нашей Родины, отдавшие свои жизни за её свободу, за её право на суверенное существование. И несть им числа: сотни, тысячи, миллионы – часто безымянных, но беззаветно преданных Родине до последнего вздоха.

Вся европейская часть России в памятниках им, бессмертным героям, вставшим на пути полчищ европейского рыцарства, Мамая, польско-литовской шляхты, Карла XII, Наполеона и Гитлера по нашей священной земле. На всём протяжении от западных границ России до столицы стоят такие памятники. Это мемориальные комплексы на Бородинском и Богородицком полях, подо Ржевом, мемориалы на братских могилах. Это памятники защитникам обороны Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа в войнах с Польшей, Францией, Германией и памятники защитникам Пскова, Изборска и Печор в войнах с Ливонией, Литвой, Польшей. Это памятники героям – Александру Матросову в Великих Луках, генералу Ефремову в Вязьме, Зое Космодемьянской в Рузе, Александру Лизюкову в Соловьёво, Ивану Флёрову в Рудне... А, кроме того, вдоль дорог установлено бесчисленное количество памятных табличек, рассказывающих о героических событиях, происходивших здесь на протяжении столетий. И десятки братских могил…

Безмолвно и неподвижно стоят «*наши павшие как часовые*» и передают нам любовь к Родине и ненависть к её врагам. Они – наша история и память, напоминание о примерах поведения в обстоятельствах, когда казалось, что всё потеряно, но лишиться Родины было хуже смерти! Охраняя Отчизну, они передают сегодняшнему поколению наказ: «*Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет!*»

Сазонова Ирина Анатольевна – Родилась 10 апреля в Ростове-на-Дону. Окончила Краснодарский государственный институт культуры. Много лет работала в ростовской средней школе № 96 им. М. Нагибина – заведующей библиотекой и преподавателем мировой художественной культуры. Началом творческого пути считает поэтические сборники, изданные в 2004 г. В дальнейшем она пишет и прозу. Многие стихи и отдельные книги посвящены изобразительному искусству и архитектуре. Лауреат региональных и международного конкурса литературы. Живёт в городе Ростов-на-Дону.

Крещение в черноморской купели

Отрывок из повести

…Катя дохаживала седьмой месяц беременности, которая не беспокоила её никакими недомоганиями. В широком, специально сшитом для неё матерью сарафанчике из чёрного штапеля и белой «учительской» блузке, она сдавала государственные экзамены. Двадцатого июня был преодолён последний, через несколько дней обещали вручить дипломы. Но уже спустя два дня никто не ждал этого радостного события. Война вторглась в Крым стремительно, беспорядочно и безжалостно, не давая ни минуты на раздумья. В первую же ночь Симферополь бомбили, и, хотя дом, где жили Катя с мужем, уцелел, но стёкла, не защищённые ещё бумажными полосками, вылетели все до одного, щедро впуская в квартиры жуткий вой, страх и душные ароматы июньской ночи. Анатолий, обязанный, как офицер запаса и коммунист, явиться в военкомат, не дожидаясь

повестки, пошёл туда на следующее утро. Через несколько дней, в полдень, ему удалось забежать домой за бритвой, кружкой и парой белья. Катя, к счастью, была дома.

Они лежали рядом на разобранной в неурочный час постели, долго не размыкая последнего перед разлукой объятья. Анатолий, одной рукой прижимая к себе жену, другой, закинутой на спинку кровати, машинально вертел никелированный шар.

– Куда тебя, Анатолий?

– Пока в распоряжение горкома, на инструктаж по политработе, через несколько дней, видимо, на фронт, политруком… Скорее всего – в Приморскую армию, в район Севастополя. Но не во мне дело, Катя, слушай внимательно. Похоже, немцы прут, сюда, в Крым… Не исключено, что будет эвакуация. Обратись немедленно в Наркомзем. Тебя внесут в списки эвакуируемых как мою жену.

– Ты преувеличиваешь, не может быть, чтобы Симферополь сдали, да ещё так быстро! Я ещё и диплом не получила, пока не получу – никуда не уеду, – Катя упрямо сжала губы, села на постели, осторожно придерживая чуть натянувший ситцевую нижнюю сорочку живот.

Брови Анатолия сдвинулись:

– Катерина, послушай, диплом сейчас – дело десятое, поверь мне, я не могу тебе сказать всего, но завтра же иди в Наркомзем. Не забывай – ты член партии, фашисты, в случае чего, не пощадят. Меня отпустили только на два часа, сама знаешь – военная дисциплина... Полк хоть и резервный, но выступить можем в любую минуту!

Он резко встал с кровати:

– Мне пора. Ну, прощай, Катюша, как же хорошо мы с тобой жили! Ну да скоро встретимся – думаю, немцев разобьём быстро…

Их переплетённые пальцы не хотели разниматься...

– До свидания Анатолий, до встречи!

– Я напишу, как только смогу… Меня не провожай, я бегом, всё, всё… Береги себя и ребёнка!

Всю ночь Катя, вытирая слёзы, сбегавшие мокрыми дорожками на щёки, собирала вещи. В новую плетёную корзину сложила сшитые мамой пелёнки, распашонки, чепчики, тканевое покрывальце, эмалированную кружку, купленный для варки детской кашки алюминиевый ковшик. Туда же был втиснут пакет манки, отыскавшийся в углу кухонного стола. В небольшом чемодане разместились лишь бельё, два узких теперь для неё платья – крепсатиновое и шерстяное, да большой деревенский клетчатый платок – мамин подарок к свадьбе. Оставленных дома вещей было жаль, но ведь ей, беременной, придётся всё нести самой. Паспорт и партийный билет спрятала в нагрудный карман сарафана, заколов английской булавкой.

В наркомат по землеустройству она пошла утром, налегке, без вещей – надеялась забежать в институт и уговорить декана досрочно выписать ей, в связи с её положением, диплом. Потом собиралась сняться в райкоме с партийного учёта – без этого она и не думала покидать город. Улицы Симферополя изменились после первых ночных бомбёжек – появились остовы разрушенных, обугленных домов, тротуары сплошь засыпаны битым оконным стеклом, огромные стрелы, нарисованные мелом, указывали путь к бомбоубежищам, в воздухе ощущался запах дыма...

Дора Марковна, полная черноволосая коротышка, делопроизводитель отдела, где работал Анатолий, бросилась к ней:

– Катечка, детка, ты принесла документы? Да, никакой, конечно, паники, но приказ об эвакуации уже есть… Анатолий просил проследить, я внесла тебя в списки, но надо паспортные данные, свидетельство о браке… Животик небольшой, сколько, семь?.. Авось, не разродишься в дороге… Куда – не имею представления… Начальство знает… В Керчь или на Тамань, думаю… И никуда, никуда из дома… Мы за тобой заедем, будь наготове!..

Выйдя из Наркомзема, Катя свернула по знакомой аллее на улицу Ленина, к зданию пединститута. Она не успела войти в просторный двор, как оказалась в суматошной толпе отъезжающих куда-то студенток – парней не было видно вовсе – наверное, мобилизовали. Некоторые девушки уже сидели в кузове грузовика, крытого брезентом. Тут же бегал декан – взлохмаченный, в мятом парусиновом костюме, сразу набросившийся на неё с упрёками:

– Бодрова, в чём дело, почему опаздываете? – Вы член нашей партийной ячейки, должны быть примером другим! Быстро в машину, едем на окраину рыть окопы!

Что могла возразить она на это? Действительно, должна в это трудное время... Она, всё ещё ловкая и спортивная, молча ухватившись за чью-то поданную из кузова грузовика руку, стала одной ногой на колесо…

…– Ну как ты, девонька, живая? – круглое женское лицо в ореоле туго затянутой белой косынки нависло над нею, – Ты уж извини, что я в бомбоубежище убежала – страшно было, ой, как страшно! Так бомбили! Я роды приняла – и бегом в подвал! А ты всё равно в беспамятстве была… Да и трогать тебя после родов нельзя – а ну как кровотечение откроется! Обошлось… Живучая ты…

– Да… Скажите, а как мой ребёнок?..

– Господи, ребёнок! Такую бомбёжку перенесла, одна тут лежала – и живая осталась! Куда тебе ребёнок этот, зачем? Ты о себе думай – скоро, говорят, и Перекоп затрещит, и Керчь зашатается! Ты ж, девка, партийная, билет-то я в одежде нашла! А ну как немцы – думаешь, пощадят тебя?

– Где мой партбилет?

– Да вот он, рядом, на лохмотьях твоих лежит! Всё грязное, рваное… И как это беременную на рытьё погнали?.. Ведь тебя накрыло взрывной волной… Землёй засыпало, одежду мелкими осколками посекло… Дядька какой-то тебя притащил, вместе с парнишкой – на руках, крест-накрест, как на стуле, не помнишь? Седой, грязный… плакал… Двух девочек, говорил, поубивало… А ты счастливая…

– Посмотрите ребёнка…

– Ладно, сейчас посмотрим кроху твою, взвесим… Девочка, я сразу тебе сказала… Господи, кило восемьсот!.. Ну, куда ты с ней? Недоношенная! Её ж в вате держать надо, теплом выхаживать! Давай, сделаю ей укол – и всё! Ты молодая, после войны родишь, если сама спасёшься…

Катя схватила акушерку за руку:

– Умоляю, сделайте что-нибудь, чтобы девочка взяла грудь…

– Упрямая ты… Ну, как знаешь… Мучайся… Давай соски помажем… Девчонка махонькая, а вроде ничего, дышит сама… Брызгай, брызгай ей молочком в рот! Эх, молока-то ещё почти нет! Ну-ка, ротик-то открывай, соси мамку свою глупую… Взяла грудь, взяла… Ну, вот, что, девушка, адрес говори, – акушерка сняла белый халат, оставшись в ситцевом цветастом платье с кругами пота подмышками, – я домой побегу, двое суток уже здесь одна, дома дети с бабушкой старой… Других рожениц нет, все, кто родили, по домам расползлись… Так заскочу к тебе, скажу, чтобы завтра домой забрали… А тебе до утра лежать надо…

– У меня только соседи… Муж на фронте…

– Ну, может, помогут… Эх, ты ведь сейчас и в подвал-то не дойдёшь, два часа всего после родов… Не побоишься одна лежать?

– А что делать?.. Потерплю…

– Дай-ка я тебе укольчик вколю – от кровотечения… Вот, кружка тебе с водой, рядом ставлю, дитё у тебя под боком, я запеленала, в покрывалко привернула… Если будет пищать – дай грудь… Всё, не обижайся – дети у меня, утром приду, если жива буду…

Забытьё и слабость спасли Катю от страха. Она не помнила, как прошла эта ночь – не слышала ни бомбёжки, ни писка новорожденной… Утром, очнувшись, схватила кружку, жадно выпила воду, почувствовала, как покалывает в груди – пришло молоко. Высвободила грудь, сунула сосок в открытый, ищущий ротик…

Вскоре прибежала тётя Миля. Акушерка сдержала обещание – зашла на Луговую.

– Катя, дитё, скорей, скорей, пока не бомбят, я платье тебе принесла, детское тоже… Ты идти-то сможешь?

– Попробую…

– Давай, одевайся, я ребёнка понесу… Идти далеко, трамваи не ходят – все рельсы перекорёжило, да ещё жара, печёт, как в аду...

Вцепившись в рукав тёти Мили, кое-как встала... Когда, надевая платье, подняла руки – комната словно качнулась туда-сюда... Да, малышку пусть понесёт тётя Миля... Самой бы дойти...

Дом на Луговой стоял, как прежде – бомбёжка пощадила эту улицу. Катя вошла в комнату, положила ребёнка на кровать, прилегла рядом, свернувшись калачиком, – последние силы ушли на дорогу из роддома, – провалилась в сон… Проснулась от мысли – надо что-то делать. Похоже, Анатолий был прав – немцы могут войти в город…

Тётя Миля, с куском серого хлеба и кружкой горячего чая, встревоженной остроклювой птицей склонилась над ней:

– Пей чай, сладкий, у меня кусковой сахар ещё остался… Да, вчера с Наркомзема женщина приходила, спрашивала тебя, а я-то не знала, что ты в роддоме… Она сказала, что если ты объявишься, чтоб сразу бежала до них, прямо с вещами – завтра вечером они своих вывозят – на Сарабуз, а дальше – не знаю, куда… Эх, Катерина, люба половина, угораздило же тебя в такую лихоманку родить... Ну, поспи, поспи ещё маленько...

С вещами… Как она, ослабевшая после родов, понесёт ребёнка, вещи?... Вывалив всё из чемодана,

переложила туда детское, оставив из своих вещей только старую, но тёплую суконную жакетку. Шёлковое платье, принесённое соседкой в роддом, сняла, бережно повесила в шкаф, рядом с новым зимним пальто… Пригодятся после войны… Ох!.. Ведь акушерка говорила, что недоношенной девочке надо быть в тепле, иначе умрёт! А ватного детского одеяла купить не успели…

Вновь открыла шкаф, взяла ножницы, без сожаления отпорола от пальто чёрный драповый, на ватине, рукав… Так… В детских вещах должна быть клеёнка… Обернула ею тельце дочки прямо поверх пелёнки, вложила спящую кроху в тёплый кокон рукава. С ребёнком на сгибе одной руки, с чемоданом в другой, зашла к соседке – попрощаться.

– Тётя Миля, а вы-то как же, остаётесь?

– А куда мне, вон старик мой лежит, я ж его не брошу… Иди, иди, дочка, может, уцелеете с дитём… Как назвала-то?..

– Варей, Варенькой…

– Ну, храни вас Бог!

Она плохо помнила, как пришла в Наркомзем, как тряслась в набитом людьми и вещами грузовике до Сарабуза – крупной узловой станции, как, сидя на чемодане, кормила ребёнка, мучаясь от жажды, долгие часы вместе с другими эвакуированными ожидая хоть какой-нибудь поезд. В грязном, «скотовозном» составе ехали всего несколько часов. По вагону прошёл слух: едем к морю, в керченском направлении – видимо, будет переправа через пролив – Тамани пока ничто не угрожало.

Прохладной ночью выгрузились на какой-то плохо освещённой из-за бомбёжек станции. Дальше надо было идти пешком несколько километров до самого моря, далеко огибая керченский порт. Шли безмолвной людской цепочкой в полной тишине. Катя одервеневшими руками держала ребёнка и чемодан – она не решалась расстаться с детскими вещами. Как во сне, брела непривычной каменистой дорогой, спотыкаясь от усталости заплетающимися ногами о крупную неровную гальку. Под утро, часа в четыре, вышли к наспех оборудованной переправе, в предрассветной мгле казавшейся издали тёмным караваем, облепленным мухами – люди лежали вповалку прямо на прибрежных камнях, ожидая своей очереди на погрузку. Суматоха, движение, сигнальные ракеты… Крым ещё не был взят, но фашистские самолёты охотились за каждым отваливавшим от берега судном, стремясь как можно точнее сбросить на него смертоносный груз.

Катера, летние, прогулочные, хлипкие, могли стоять у берега всего несколько минут, набивая борт людьми до отказа. Кате повезло – два матроса, руководившие посадкой, увидев её, измученную, с грудным ребёнком на руках, посадили на один из катеров без очереди. Наконец, судёнышко, тяжело переваливаясь от лишнего груза, вышло в открытое море. Небо прочерчивали прожектора, над головой довольно низко летали самолёты с крестами на крыльях, не жалея гибельных снарядов. Чтобы увернуться от бомб, катер вынужден был маневрировать, резко кренясь то на правый, то на левый борт, щедро зачёрпывая при каждом крене тёмную солёную влагу.

...Она уже давно ничего не пила, не ела… Исходила слабым, но непрекращающимся кровотечением. Дурнота от качки подступала к горлу, в глазах темнело. … Её голова клонилась всё ниже и ниже… Руки, державшие ребёнка, разжались… Катя потеряла сознание…

Открыла глаза только на берегу – пожилой матрос плескал на её посеревшее лицо морской водой из парусинового корабельного ведёрка:

– Дочка, очнись… Ну, слава богу, ожила… А то совсем сомлела… На руках тебя вынес… Ну-ка, глотни спиртику из фляжки, не бойся, тебе сейчас нужно… Ты уж прости – чемоданы-то все повыкидывали, а то бы мы на дне уже рыб кормили… Ну, прощай, нам отчаливать… люди там ждут… А ты, считай, уже в безопасности… Вещи – дело наживное…

Катя не сразу поняла – в руках странная пустота… Чего-то не хватало… Наконец, сознание полностью вернулось к ней. Села, отбросила со лба влажные, в мелком бисере брызг, пропахшие морем волосы, ощупала руками мокрую гальку вокруг себя...

– А ребёнок, где мой ребёнок?..

– Какой ребёнок? Я не видел ребёнка…

– Он маленький, грудной, в рукаве от пальто… Ой, Варечка! Доченька! Ой, я побегу туда!..

– Куда ты пойдёшь, ты катер тот не найдёшь, там их много, да и назад на борт никого не пускают… Вот-вот отчалим…

– Ой, мой ребёнок, моя дочка!

Слёзы заливали Катино лицо, руки слепо шарили по прибрежным камням...

– Ладно, сиди, побегу, поищу ребёнка твоего, ежели не выдумываешь…

Матрос вернулся минут через двадцать с мокрым тёмным свёртком в руках.

– Ну, дитё твоё сто лет жить будет! Еле нашёл! Кругом бомбят, а он плавает себе под скамьёй – и к мамке не просится… Крепкий, видать!

– Это девочка, спасибо вам…

– Ну, пусть растёт красавицей, побегу!

Катя была счастлива – Варечка опять лежала на её руках, продолжая крепко спать, толстый драповый рукав даже не промок насквозь, но теперь у неё не было ни одной пелёнки – чемодан отправили за борт.

Оглядевшись, она не увидела никого из наркомземовцев: Катя опять разминулась с ними, пока искала ребёнка. Вытерев слёзы подолом мокрого, солёного платья, она, нащупав обложку партбилета в кармане жакетки, пошла в комендатуру порта.

Через полчаса вышла оттуда с казённым вещмешком, хранящим неслыханное богатство: две бязевые простыни с черным штампом в углу, выданные на пелёнки, пару матросского нижнего белья, банку консервов да полбуханки чёрного хлеба. А ещё направление райкома, с секретарём которого созвонились из военкомата: командировать её, Катю, в распоряжение парткома одного из крупных таманских совхозов. Она решила не искать сослуживцев мужа: им было предписано ехать на Урал, а ей сейчас жизненно необходима хоть временная оседлая жизнь…

Крупенич Юрий Адамович – родился в 1952 году в Калининграде в семье рыбака. Окончил Калининградское мореходное училище и Калининградский государственный университет. Ходил в море на рыболовных, научно-поисковых и торговых судах. Член Союза писателей России. Прозаик и поэт. Живёт в г. Светлый Калининградской области.

Белые купола разведгруппы «Блондин»

До сих покрыты тайной обстоятельства подвига диверсионной разведгруппы «Блондин», которая в числе десятков других была заброшена в тыл восточно-прусской группировки противника весной 1945 года. Почти все посланные разведчики погибли в конце войны в местах заброски после приземления. Их главной задачей, которая ставилась командованием советских войск являлся поиск оперативно-значимой информации о численности и передислокации войск противника. Диверсионная работа, как правило, ими не проводилась. В связи с исключительной важностью и опасностью выполняемого задания, группы комплектовались только добровольцами. Люди понимали, что вернуться из вражеского тыла практически было невозможно.

Разведчики, которые продержались в этой провинции Германии хотя бы месяц, считались долгожителями. На эту тему даже сложился фразеологизм «Увидеть Пруссию и… умереть» через несколько часов, дней или недель. Такой была судьба разведчиков большинства из 126-и разведдиверсионных групп и специальных формирований, действовавших в период подготовки и проведения Восточно-Прусской операции. Была заброшена группа разведчиков и в район, где

сейчас располагается город Светлый на месте поселка Циммербуде. В ночь с 26 на 27 марта 1945 года, когда до взятия Кёнигсберга оставались считанные дни, на полуостров Пайзе в район восточно-прусских рыболовецких посёлков Пайзе и Циммербуде десантировалась с борта самолёта специальная диверсионно-разведывательная группа «Блондин» разведуправления 3-го Белорусского фронта. В состав этой группы входило пять человек. Ее возглавлял 32-летний командир – старший лейтенант Федор Объедков (оперативный псевдоним «Блондин»). Все остальные были моложе командира. Его заместителем значился лейтенант Федор Кабаев («Чёрный»), связь обеспечивал радист – гвардии младший сержант Петр Богданов. Разведчиками значились лейтенант Зайнутдин Юнусов («Угрюмый») и младший лейтенант Михаил Королев («Шах»), которому исполнилось всего 20 лет.

На тот момент в воскресенье, 25 марта 1945, войска 3-го Белорусского фронта овладели городом Хайлигенбайль (г. Мамоново). Это был последний опорный пункт немецкой обороны на побережье залива Фришес-Хафф юго-западнее Кёнигсберга. А в понедельник, 26 марта 1945 года, советские войска завершали разгром группы фашистских войск на берегу залива. Уже были заняты многие близлежащие населенные пункты. Остатки разбитых частей противника откатились в район мыса Кальхальцер-Хакен (замок Бальга). По предварительным данным, в боях в понедельник, 26 марта, в этом районе войска фронта взяли в плен более 20 тысяч немецких солдат и офицеров. К четвергу 29 марта войска 3-го Белорусского фронта завершили ликвидацию окруженной Восточно-Прусской группы немецких войск юго-западнее Кёнигсберга. Такой в целом сложилась фронтовая ситуация на конец марта.

Тем временем шла и незримая война с врагом. В ночном небе над Восточной Пруссией с 26 на 27 марта 1945 года появился двухмоторный военно-транспортный самолет Ще-2 вспомогательной авиации. По бортам грузовой кабины расположились пять разведчиков-парашютистов в пестрых маскировочных халатах и в кирзовых сапогах. Каждый из их имел полное снаряжение: пистолет-пулемёт ППС-43, пистолет ТТ в кобуре, нож-финка, ручные осколочные гранаты, подсумки с боекомплектом. В солдатских вещмешках лежали легкие противопехотные мины и тротиловые шашки, фонарик армейского образца, фляга с водой и сухой паек на несколько дней. У командира дополнительно имелась планшетка с набором топографических карт, компас и ракетница. Основную ношу связиста составляла рация типа «Север» и сумка для переноски запасных батарей электропитания. За пазухой у него хранились шифрблокноты.

Это был полёт в неизвестность, в которой разведгруппу ожидали опасность и тяжелые испытания. Мысли у всех были разные, но одна из них особо грела душу, ведь долгожданная победа в войне так близка. Еще немного, еще чуть-чуть, и ненавистный враг будет окончательно уничтожен. Настанет мирная жизнь, по которой все бойцы так истосковались. А пока внизу под крылом самолёта пока еще на чужой земле были видны пожарища, слышался гул канонады. В районе полуострова Бальга шел ожесточенный бой, лилась кровь, гибли люди. Немцы еще не осознали до конца, что война проиграна, что блицкриг не состоялся. Теория германских стратегов по ведению скоротечной войны, согласно которой победа достигается в короткие сроки до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы, в русском варианте провалилась. Советский Союз оказался не по зубам фашистским воякам. Но они еще продолжали упорно сопротивляться.

Надо отметить, что Восточная Пруссия была сущим адом для русских разведчиков. После покушения на Гитлера в ставке «Вольфшанце» («Волчье логово»), регион находился под личным контролем рейхсфюрера СС Гиммлера. Ни один самолёт не мог залететь сюда незамеченным, любой выход в эфир сразу пеленговался, а на земле чужих парашютистов ждали специальные команды охотников с собаками, полиция, полевая жандармерия, фольксштурмовцы, гитлерюгенд. Нельзя было рассчитывать и на помощь местных жителей. Из двухмиллионного населения Восточной Пруссии слишком много было сторонников фюрера. Под воздействием геббельсовской пропаганды

немцы страшно боялись «сталинских бандитов». И при малейшем подозрении сообщали о подозрительных гостях в гестапо. Карой за сокрытие подобной информации была неминуемая смерть. Природный прусский ландшафт оказался крайне неподходящим для ведения разведки. Местные леса были больше похожи на городские парки, чуть ли не метлой выметенные, строго поделённые просеками на участки. Открытые пространства пересекались множеством рек, ручьёв, каналов. Все мосты круглосуточно охранялись. Кроме того, даже некоторые хутора-фольварки были телефонизированы. Можно было нарваться и на мину-ловушку.

Вот в такой смертельно опасный район и залетел военный транспортник «Ще-2» с советскими разведчиками. Наконец, его пилот дал звонок на готовность к прыжку. Звучит короткая команда «Приготовиться», и инструктор парашютного дела открывает люк. Раздается команда «Пошел», и члены группы «Блондин» один за другим шагают в воздушную бездну. Белые купола парашютов разведчиков зависли над мрачным лесом. До этого дня еще никто из группы старшего лейтенанта Федора Объедкова не имел опыта десантирования в тыл врага, а тем более в ночное время. Фактически разведчики совершали «слепой прыжок», который всегда сопряжен с огромным риском даже в мирное время, не говоря о фронтовой обстановке. Для парашютиста велик шанс повиснуть на кроне дерева или угодить в какой-либо водоём. Стоит зацепиться за крону корабельной сосны, и оставленный на ней парашют демаскирует высадку разведчиков. К тому же еще надо время на поиск контейнерного тюка. А внизу в лесу тебя ждут не заботливые инструкторы-командиры, не теплый чай в казарме. На земле тебя поджидает серьезный враг с натасканными на поиск человека грозными немецкими овчарками.

Выбор района десантирования для команды «Блондин» удачным назвать было нельзя. С одной стороны ледяные воды залива Фришес-Хафф и глубоководный судоходный канал, а с другой – вековой сосновый бор. Между ними рыбацкий немецкий поселок Пайзе, населенный пункт с электростанцией в Циммербуде. В трех километрах на север-запад на карте значилась лесная деревушка Неплекен. Советское командование не располагало тогда сведениями о том, что там на площади в несколько квадратных километров были расквартированы и готовились к обороне 28-я пехотная и 5-я танковая дивизия вермахта. А в поселках местные жители вели днем и ночью бдительный визуальный контроль за воздушным пространством. Поэтому нескольких разведчиков группы «Блондин» немцы обнаружили ещё в воздухе, подняли по тревоге полицейских, сельскую стражу. О пришельцах с неба был оповещен комендант военно-морского арсенала в Пайзе капитан 1-го ранга Пульман и комендант крепости Пиллау генерал Хилл. В итоге высадка разведгруппы состоялась прямо под автоматы немецких пехотинцев.

По имеющимся данным, после приземления отыскать друг друга и соединиться сумели только несколько наших разведчиков, в том числе радист гвардии младший сержант Пётр Богданов. Его последний по счёту радиосеанс связи с Центром состоялся 1 апреля 1945 года. Больше позывной группы «Блондин» в эфире не появлялся. Тем не менее часть группы сумела проработать целых пять дней в тылу врага, на вражеской немецкой земле, в лесных квадратах, где базировались крупные подразделения вермахта. Советские разведчики проникли к особо охраняемым объектам – стратегическим морским причалам и железнодорожной станции, к военно-морскому арсеналу немцев и мощной электростанции.

У членов разведгруппы «Блондин» изначально не оставалось шансов вернуться с задания живыми. Почти неделю разведчики выполняли поставленную перед ними боевую задачу. Как они встретили свою последнюю минуту, известно лишь старым дубам и елям в районе населенного пункта Неплекино да вездесущим сорокам и дроздам. Данные о том, сколько гитлеровцев лично уничтожил каждый из разведчиков, которых рано или поздно окружили немцы, не вошли во фронтовую сводку. Соединиться с частями наступающей Красной Армии никому из разведгруппы «Блондин» так и не удалось. Каких-либо следов команды «Блондин», личных вещей разведчиков до сих пор не обнаружено. Возможно, кто-нибудь из чёрных копателей в местных лесах когда-нибудь и наткнется

на останки или амуницию разведчиков.

Можно только реконструировать события тех дней. Оставшиеся после высадки в живых бойцы ДРГ «Блондин» вели разведку наличия и состояния оборонительных рубежей, выявляя сосредоточение войск, техники, вооружения, горючего и других видов снабжения немецкой группировки в районе Пайзе-Циммербуде-Неплекен. Распорядок дня был жестким: собрали сведения, передали их в Центр, затем уход от облавы с собаками. И снова опасная работа: сбор сведений, короткий сеанс радиосвязи, опять лай злобных собак, марш-бросок по лесным тропам. Продуктов у разведчиков не осталось, последние трое суток маковой росинки во рту не было. Пили воду из лесных ручьев, спали урывками на земле под деревьями. И все время надо было из последних сил передвигаться по лесам. До сих пор официально диверсионно-разведывательная группа «Блондин» числится пропавшей без вести в полном составе с 27 марта 1945 года – с момента совершения «слепого» прыжка в районе поселка Пайзе. Об том свидетельствуют документы Центрального архива Минобороны. Оперативное дело ДРГ «Блондин» хранится в фондах в/ч 61379 под инвентарным номером «423».

Как можно узнать из сводки Совинформбюро того времени: «В течение вторника 17 апреля на Земландском полуострове западнее Кёнигсберга войска 3-го Белорусского фронта, продолжая наступление, с боями заняли город и порт Фишхаузен и населённые пункты ...Неплекен, Циммербуде, Пайзе. Остатки разгромленной группы немецких войск отброшены в район порта Пиллау, где и уничтожаются нашими войсками. В боях за 16 апреля войска фронта взяли в плен 5650 немецких солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: самолётов – 47, танков и самоходных орудий – 47, бронетранспортёров – 78, полевых орудий – 385, миномётов – 210, пулемётов – 730, автомашин – 2.512, тракторов и тягачей – 64, железнодорожных вагонов – 350, складов с военным имуществом – 36».

В те апрельские дни 1945 года наступление Красной Армии развивалась стремительно: группа немецких войск, оборонявшая мыс в районе Циммербуде и Пайзе в составе подразделений 28-ой и 561-й пехотных дивизий и 5-й танковой дивизии, была отрезана от основных сил немецкой группировки. Противник понес тяжёлые потери – и в материальной части, и в личном составе. Как и ожидалось, на рассвете 17 апреля немцы попытались вырваться из Пайзе в Пиллау. Но на их пути стали бронекатера. Обнаружив большое количество баркасов и шлюпок, двигавшихся в направлении на Пиллау в сопровождении быстроходных десантных барж, бронекатера открыли огонь. Завязался жестокий бой, в котором немцев усиленно поддерживала береговая артиллерия. Несмотря на сильный огонь, бронекатера потопили 117 баркасов и большое количество шлюпок. При этом было уничтожено до несколько тысяч вражеских солдат и офицеров. Удар бронекатеров имел очень большое значение. Вражеская группировка в Циммербуде и Пайзе, блокированная с суши и с моря, осознав всю бесперспективность дальнейшей борьбы и потеряв надежду на спасение, сложила оружие. По этой же причине не был выполнен план взрыва военно-морского арсенала в Пайзе с использованием взрывателей замедленного действия. Комендант арсенала капитан 1-го ранга Пульман попал в плен вместе с командиром танковой дивизии полковником Герцогом.

Есть все основания считать, что весомый вклад в успех наступательной операции Красной Армии по окружению и последующему уничтожению многочисленной группировки противника на полуострове Пайзе, внесли и разведчики ДРГ «Блондин». Они успели добыть и отправить морзянкой шифровки в штаб со сведениями о немецкой группировке войск в районе Циммербуде, Пайзе, Неплекен. Эти разведданные помогли командованию 3-го Белорусского фронта организовать победоносную операцию по разгрому фашистских сил и развить наступление дальше до Пиллау. Пять разведчиков группы «Блондин» ценой своих жизней приблизили Великую Победу. В темную апрельскую ночь в 45-м году все они прыгнули с самолета не в безымянную бездну, а ушли в ряды Бессмертного полка под белыми парашютными куполами.

Токарев Анатолий Павлович – родился в 1950 года в Луганской области. Окончил РГПИ в Ростове-на-Дону. Первые публикации в периодике появились в 1985 году. Участник литобъединения «Дон», «Созвучие». Продолжает печататься в журналах, издано несколько книг. Лауреат престижных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в городе Ростов-на-Дону.

Ни пяди родной земли врагу!

Забросило нас с дружком Вовкой, шахтёров из Донбасса, под Бердянск. Отмантулили мы с ним целый год в шахте и решили в свой законный отпуск покупаться в тёплом море, заодно погостив у товарища. И я решил свои последние холостые деньки догулять с дружками.

Но, увы, мы располагаем, а судьба с нами по-своему поступает. Застряли, надолго мы здесь:

жестокая война началась этой «ридной неньки» Украины против нас шахтёров. Товарищ быстро слинял, будто он нас и не знал. Хорошо хоть соседям сказал, что мы его дальние родственники. Да ещё были местные с которыми пару бутылочек винца раздавили и вроде задружбанили. Лишнего ничего не говорили. Ну, а в общем, бердянское население постепенно зверело и пыхтело ненавистью к Донбассу. Много страшных басен про нас им порассказали. Одно ясно, нужно было выбираться отсюда домой, а как это сделать? Думали-рядили: как же вырваться побыстрее «из гостей». А дороги уже были забиты военной вражеской техникой. Да и проверки на дорогах идут. Обложили со всех сторон. Товарищ, сбежавший от нас, был рыбаком, и те с кем винцо давили работали в рыбацкой артели. Примкнули пока к ним. И всё было вроде ладком. Хотя и это была дурацкая затея.

Но Вовка не унывал, подбадривал:

– Ничего прорвёмся! Ты только не отчаивайся. Надо оглядеться и чтоб уши на макуше, всё прослышать, познать и вперёд с песнями. Не парься!

А обстановка накалялась.

Надо было как-то выбираться. Вся наша легенда про бердянского родственника-товариша – это шито-крыто до поры до времени. Запахло уже жаренным. Озверение против Донбасса дошло до стадии бешенства. Дружба народов испарилась, и люди разделились на два лагеря, где есть русскоговорящие сепары и избранные «укры». Украина вдруг превратилась в Мордор – чёрную со свастикой страну. Чужаки мы тут теперь.

И вот уже один из собутыльников нас предупредил:

– Бегите ребята. Несдобровать вам. Бандеровцы и среди нас завелись, как блохи.

Но было поздно. Не успели мы ещё сообразить толком, что делать, как неожиданно приехал за нами воронок. Мы по огородам рванули к морю. А там нас и догнали.

Поколотили здорово. Я долго отплёвывался кровянкой.

А Вовка зачем-то, что-то начал доказывать, кипишиться. Легенду придумал какую-то несуразную. Всегда считал себя ловкачом, мол, он из любой ситуации выкрутиться. Да не то время, и не та ситуация. Ещё больше всё запутал. У него никогда не хватало терпения спокойно оценить обстановку. А сам же недавно советовал оглядеться и с песнями вперёд.

Да песня не та получилась.

Рослый белобрысый бандеровец слушал его, слушал и ударил наотмашь, чтобы он много не распотякивал, мол, доложили уже, что вы тут за птицы. А Вовка, как бывало с ним, не сдержался и с матерком на него попёр. Потерял чувство страха или не понял, что всё уже по серьёзному и жестокому руслу пошло. Налетел, сбил того с ног и смертельную пулю получил.

Тут я потрясённый заорал:

– Убей и меня!

– А ты нам ещё нужен будешь!– прошипел белобрысый.

А взгляд у него ядовитый, змеиный.

Но и мне прилетело рукояткой пистолета в висок.

Устоял я, а голова ходуном.

Подскочил чернявый с какой фашисткой нашивкой на рукаве, изрыгнул:

– Говоры, кто вас суда забросил? Говоры, с какой цэлью? – и огрел меня кулаком в лицо. Тут я уж упал, залился кровью. А что меня сбивать с ног, я-то далеко не Геракл.

Хмурый напарник осёк его:

– Не горячись кацо. Где надо всё скажет.

А мужички-рыбачки, что, наверно, нас с Вовкой и сдали, довольно посматривали издали.

Им эти выродки приказали, тыкнув в мёртвого Вовку:

– Этого сепара не хоронить. Пусть валяется. Собака собакам пусть будет на съеденье.

Потолкли они меня ещё для порядка ногами и закинули, как куль, в воронок – на заднее сиденье.

Белобрысый убийца, вызверившись, сел рядом, а двое влезли на переднее сиденье. Один из них – тот чернявый, говорящий с кавказским акцентом, открывая дверцу, гортанно произнося слова, пригрозил:

– Ватнык, а тэбя мы ещё попытаем. С прыстрастием! Всё расскажешь и про сэбя и про мать родную.

Он-то как раз и сел за руль. А другой, – хмурый, с лицом серым и непроницаемым, сел рядом, и скомандовал:

– Двигай!

Машина тронулась. Очухавшись немного, я метнул свой гневный, затравленный взгляд на белобрысого.

Тот, встретившись с моими глазами, зло процедил:

– Чего вылупился, жить надоело? Ватник грёбанный. Слушайте, – обратился он вдруг к своим, – Давайте, сейчас вывезем его подальше и пустим в расход. Чего с ним чикаться. Скажем, что при попытке к бегству приложили. Не нравится он мне.

– Нравится, не нравится, где надо разберутся с этим ватником – жёстко обронил хмурый.

– Какой я ватник, я рыбак – пробубнил я.

Вылупился на меня белобрысый:

– Юлишь гад! Помирать не хочется? Кого ты за дурней держишь.

– А мы проверим, откуда он, – процедил хмурый, – Может чего и узнаем. Не зря же нас навели на них. Мир не без добрых людей. Давай кацо, газуй. Скоро свой язык он развяжет. И схроны покажет.

Я, шмурыгнул носом пытаясь остановить кровь, всё ещё сочившуюся, подумав: «Дела мои плохи – и зло бы сплюнул с досады, да некуда – Сколько же этих добрых людишек развелось».

Белобрысый небрежно кинул мне какую-то тряпицу:

– Оботри кровь – и спросил у хмурого – Может руки ему связать?

– Смотри сам.

– А с этим хлюпиком и так справлюсь.

Я не спеша вытер юшку, запрокинул голову. Хоть красивым помру, не в крови. Постарался успокоиться. Но не получалось. Мысли зашкрябали: – А так ли я им нужен? Сейчас всё может случиться в один миг, отъедут подальше и хлопнут за просто так, как Вовку. Хотя если не здесь, то в другом месте хлопнут. Ещё и пытать будут. Знаешь, ты не знаешь что от этого им! Заухало сердце, как молот о наковальню: – Смертник! И руки гляжу, у меня задрожали.

Машина подёргивалась на неровной дороге, что шла вдоль обрывистого берега Азовского моря.

Мысли неожиданно лихорадочно загудели:

– Выскочить бы и рвануть с обрыва. Может, и смылся б. А потом куда? А если в Краматорск. Там живёт Васька Фирсов, парень с нашей шахтёрской улицы, после женитьбы поселившийся в Краматорске окончательно. Одно время мой старший брат Лёнька с ним переписывался. Дружили они. Даже как-то встречались. Но кто он сейчас? Люди в такую злую годину быстро перелицовываются. И там может, сдадут меня? Что же делать? Неужели конец! И кто всё-таки даст гарантию, что эти меня, куда надо довезут, а не кокнут по дороге?

Белобрысый всё ещё злобно зыркал на меня, небрежно поигрывая пистолетом, из которого он так запросто укокошил Вовку. Меня такая пробила безысходность: – А что я матери Вовки скажу? И вдруг дошло – я же сам обречённый на смерть. Увижу ли я его мать?

А белобрысый решил видно поиграть и приставив к моему лбу пистолет зашипел:

– Может, сразу скажешь – кто ты? – крутанул башкой – Сколько таких уродов перебил, а вы всё плодитесь и плодитесь! Живучие, – и он больно надавил дулом на висок, – Парни может, пора его кончать. Противно рядом с ним. Достал он меня.

А те хмуро молчали, словно в рот воды набрали.

Я, холодея, прошептал:

– Стреляй! – и умолк, закрыв глаза.

–Так-то лучше, прячь свои зеньки. Кишка тонка. Ладно, прикончить тебя всегда успеем – и отвёл оружие.

А я, вдруг смирившись, понял, что один конец ждёт, что здесь, что там, и молча, уставился в окно, стал отрешённо ждать своей участи. И чего я мечусь. Вот так, оказывается, подрывается воля изнутри. Под прессом жестокой неизбежности. Тупиковой, безвыходной. Какая тут выдержка? Не каждый же день попадаешь в такой переплёт. С чего-то завертелись в голове слова, сказанные отцом: – Не падай духом, а падай брюхом. Вот оно когда на философию потянуло. А так ли всё

безвыходно? Тут вспомнил, школу, Толстого: – русский дух ничем не перешибёшь! А что же я расклеился.

И Вовка передо мной, возник, как живой:

– Ничего прорвёмся. Ты только не парься!

И руки перестали дрожать, а мысль лихорадочно заработала, застучала в висках отбойным молотком, ища спасительный выход. Но ничего пока в голову не приходило.

А дорога всё длилась и длилась, как поганый сон. Зловещая тишина повисла в машине и надрывный гул мотора противно душу выедал. Что только за это короткое время я не передумал. Перед глазами и дом родной, мелькнула и невеста Валюха. Чуть ли не всю жизнь перебрал. Хотя и перебирать-то ещё нечего. А синеглазая Валюха, наверно, всю свою синь по мне выплакала. Пожениться ведь собирались. Который раз обещал.

А она острая на язык:

– Обещать – не значит жениться. Смотри, останешься с носом, – я невольно потёр разбитый нос. И опять её голос: – Со школы меня мучаешь. Вон уже скоро седина пробьётся, а всё выбираешь. С Вовкой, на море едешь, а меня не берёшь?

Вот чтобы было, если б её взял?

Я тогда ей в ответ:

– Дедушка осердился, за бабушку вцепился. На обиженных воду возят. Чего завелась, вот дождёшься, и сразу свадьбу закатим. Самоуверенный был. А теперь что? А какие они сладкие записочки писали друг другу в школе. Оказывается, школьная любовь не ржавеет. Твёрдо решил: всё, стану на прикол возле Валюхи! И тут жизнь дала сбой. Вот последний разок и погулял холостым, что теперь везут на убой. Не зря говорят; не делай ничего наперекор судьбе.

А как хочется ещё разок увидеть Валюху!

И занудило внутри так, что даже слеза прошибла – не увижу её на этом свете, разве только с небес.

А тут краем глаза глянул, а у белобрысого моментами глаза слипаются. Укачало подонка! А в руках пистолет.

Меня словно током ударило! Сам не ожидал от себя такой прыти, крутанул его руку и пистолет оказался у меня. Сработала армейская выучка. Не успев всего осознать, с ходу, выстрелил в майданутого и тут же ловко, как в фильмах, укокошил двоих и в кабине. Вначале хмурого, чтоб не успел оружием воспользоваться, а потом кацо-водилу. Машина вильнула и остановилась у самого обрыва над морем, даже переднее колесо зависло над ним.

Вылез я, пошатываясь от потрясения, сам ведь от себя такого не ожидал; постоял оторопело. Руки опять задрожали, коленки стали подгибаться. Затошнило. Но, придя в себя, торопливо, будто меня вот-вот нагонят, напрягая последние силы, столкнул машину с обрыва.

– Куда же мне теперь? – растерянно застыл на мгновенье и вдруг вспомнил своё недавнее решение – В Краматорск. К Ваське Фирсову. Пересижу, а там меня может, переправят как-то через Донец к своим, на шахту «Красный маяк», если она ещё наша.

Хорошо, что на просёлке подвернулась попутная бричка, и уже не опасаясь, будь, что будет, влез в неё. Хозяин хохляцкого вида подозрительно покосился:

– Чим платыть будэшь добрый человиче?

Ещё один добряк нашёлся. Я постучал по карману, где явственно проглядывал силуэт пистолета и возница больше не приставал. Жизнь всем дорога и куркулям тоже. Ещё и жратуху с него вытряс… Кусок сала с хлебом.

Теперь он меня, этот хохол, точно сдаст. И я, спрыгнув с брички, запетлял ещё пуще.

Но добрался всё-таки до Краматорска. Теперь найти бы переулок Кривошейный. Помню этот адрес на письмах брата. Вернее улицу запомнил.

Долго прячась от военных бродяжничал, пока не нашёл этот переулок. Старушка мне указала, где Фирсовы живут. Ещё и спросила:

– Родственник будете им?

– Да, Родственничек – подтвердил я.

Она вслед мне:

– Опоздали. Долго видно добирались.

Я и не понял, к чему опоздал. Позвонил в дверь. Вышла моложавая измождённая женщина в чёрной косынке. Явно жена Васьки. Глаза округлились – такой видно заросший, страшный был. Оттого видать старуха и сказала про долгую дорогу.

Спросил осипшим голосом:

– Мне бы Василия увидеть.

– А вы кто? – недоверчиво меня оглядела.

– Товарищ его по шахте «Красный маяк». Бондарев. Да он с моим братом Лёней переписывался.

В дверях появился парень помоложе меня, в военной форме. У меня душа в пятки – Вот и попался.

Но он поторопил:

– Нечего в дверях стоять. Тёть Маша пусть заходит.

Я прошёл в комнату. На столе стоял в чёрной рамке портрет Васьки.

Увидев мой оторопевший взгляд, скорбно проговорил парень:

– Нет родного дядьки – и протянул руку – Меня зовут Олегом. А вы Леонид?

– Нет, я Сергей, брат Леонида.

– Я как-то в Луганск, к Леониду заезжал, от отца гостинец привозил. А дядь Вася не уберёгся.

Запереживал и схватил его сердечный приступ. Сильно злой был, когда эти западники вошли. Я б эту бандеровщину говорил, голыми руками душил. Еле сдерживал его, чтоб глупостей не натворил. Но не уберёг. Откуда вы?

Я замялся. Вроде говорит всё правильно, как и я мыслю. Но стоит ли этому парню в форме ВСУ Украины что-то рассказывать. Получается, от чего бежал, к тому и прибежал. Но куда мне деваться?

И я всё же вкратце поведал ему свою эпопею. Доверился его добрым глазам: уж больно похожи на Васькины. А тот никогда не кривил душой.

– Плохи дела, на вас уже, наверно, в розыск подали. Возможно, портрет ваш есть у СБУ и у всех заинтересованных лиц – и ещё раз повторил – Плохи дела!

Маша посмотрела на меня и прошептала:

– Заросли, как дикобраз. Надо привести вас в порядок. Олег, где наш бритвенный прибор.

Олег прищурился, посмотрел внимательно:

– Подожди тёть Маша. Это хорошо, что как дикобраз. Ещё надо вас постричь налысо. Тогда будет полная маскировка.

Не откладывая дело в долгий ящик, он приготовил мыльную пену, бритву, и выбрил мне голову. Но, как яичко она не стала. Неровная, с буграми. Бабка пророчила в детстве: – Вумный будешь, мысля буграми так и прёт из башки.

Глянул в зеркало с тоской на себя. Встретил бы меня на улице родной брат, не узнал бы. На лице, среди зарослей щетины блестят воспалённые, красные от недосыпа глаза. Они-то ещё и напоминали, что это я.

– Ждите и никуда из дому – резко сказал Олег и ушёл.

Вечером появился он мрачным.

– Вас ищут. Так что правильный конспиративный облик вам придали. Собирайтесь.

А мне-то и собирать нечего. В чём есть, в том есть. Я лишь выложил пистолет на стол.

– Такую улику с собой носили. Вы ещё в рубашке родились. Тёть Маш, в дворовый туалет его бросьте. Только осторожно. Чем меньше глаз, тем лучше – и скомандовал, – Переодевайтесь.

Я напялил на себя ВСУшную форму. Так она меня сдавила, что противно стало. Мы вышли во двор.

У дома стоял военный грязноватого цвета «газончик».

Олег сел за руль. Я с трудом выдавил из себя:

– Куда едем?

– Думаете, что я продажная шкура и мне нужны серебряники за вашу голову? Друзья дядьки – мои друзья. К Донцу едем. На ту сторону вас переправят. Дорога не близкая.

Значит шахта пока за нами! У меня сердце от радости подпрыгнуло, а Олег предупредил, – легенда будет такая: вы молчун. Вас в бою взрывной волной контузило. Поэтому на этой стороне только мычите. И держитесь спокойней, без нервов.

Я согласно кивнул – мычать, так мычать.

В сумерках доехали до какой-то развилки, поросшей мелким кустарником и редкими деревьями. Недалеко начинались камыши, видимо река была недалеко за ними. Съехав с дороги, машину оставили под деревом, чтоб было меньше её заметно. Олег уверенно пошёл к блокпосту замаскированному видимо у края зарослей. А я как можно спокойней потащился за ним. Сумрак уже окутал камыши и они зловеще шевелились и ветер в них будто что-то недоброе нашёптывал. У меня похолодело всё внутри. Но я собрал всю волю. Надо выдержать и не забыть уговор. Не дай бог невольно слово пророню.

Олег подошёл к дежурившим на блокпосту. Переговорили. Он передал им какой-то пакет.

Подозвали меня и, посветив фонариком в лицо, внимательно осмотрев, спросили, как зовут.

Я что-то промычал в ответ. Хмыкнули: – Ну и безобразина! – порылись в своих гаджетах и махнули рукой, мол, проваливай. Но прежде, что-то шепнули на ухо Олегу.

Мы нырнули в камыши. Шуршание ветра будто стало тише или это на моей душе что-то отлегло, успокоилось и я начал понимать, что вот-вот буду у своих.

Опять остановились. Олег тихо свистнул. В ответ такой же короткий, но двойной свист. Вышли трое.

В сторонку отошли с Олегом. Пошептались.

Потом самый высокий из троих подошёл ко мне:

– Старова, узнаёшь?

В сумраке лица толком не видать. Но голос знакомый.

– Это ты Старик, с кем из-за Валюхи дрались? Как же не узнать.

Он легонько хлопнул по плечу:

– А ты везунчик. Из такой передряги вырвался.

Защемило тут моё сердце от тоски по Валюхе, по родному дому, а мог бы и не дойти…

Старов предупредил:

– Когда пойдём, держись нога в ногу за нами. Шаг в сторону и каюк. Мины здесь – добавил ещё – Оклемаешься, давай к нашему полку прибивайся. Здесь каждый человек на счету. Скоро перейдём в наступление – и как-то тихо попросил – Везунчик, Валюхе от меня привет!

– Везунчик – с горечью повторил я – А вот Вовки Середы больше уже нет.

– Как нет?

– Убили гады! Вот так Старик. Раз и нет! Как соринку со своего пути, сволочи, сдунули.

И Старов вдруг насупившись, сурово и коротко сказал:

– Отомстим! Ну что двинем.

Уходя, пожал я на прощанье руку Олегу. В глаза бы с благодарностью заглянул, да темень вокруг.

Беспокоило, как он теперь будет выбираться?

В засаде остался один из парней Старова.

Шёл я вслед за Стариком и худеньким пареньком, растворяясь в темноте, оставляя Олега и этого парня, что в засаде наедине с фашистской мерзостью. Теперь и моё место точно – здесь – в передних рядах.

Я понимал, что война только начиналась, и до мира ещё было очень далеко.

Вдруг позади, раздался треск выстрелов и шум ломающегося камыша.

Старов передал меня худенькому парню:

– Быстро в лодку и отчаливайте, а я на подмогу – и бросился назад.

Парень, чуть ли не простонал вслед:

– Может, и я чем помогу.

– Поможешь. Спасёшь товарища, а мы выпутаемся, – послышалось, – В километре отсюда ещё припрятана лодка.

Мы с худеньким парнем, наверно, ещё не обстрелянным, отплыли, а на берегу уже зачастили выстрелы.

Наутро появились раненый Старов.

Олега с ним не было.

– А где Олег? – с тревогой спросил я.

– Раненный, в госпитале.

Я невольно воскликнул:

– А мать?

Он успокоил:

– О ней уже побеспокоились.

А на вопрос о парне, прикрывавшем отход, он снял кепку…

Начиналась моя новая жизнь. Жизнь – наполненная местью за моего друга Вовку, за того неизвестного мне парня, прикрывавшего нас, за сотни безвинно убитых.

Теперь все новороссы – враги для Киева. Потому, что желаем жить по-человечески на своей Родине и говорить на русском языке. Мы же передний край России!

Здесь наши отеческие могилы взывают к нам о защите родной земли.

Ни пяди политой кровью земли врагу!

Харисов Хабир Кабирович (Николай Таёжный) – родился в 1957 году в Челябинской области. Окончил Свердловский горный институт. Геофизик, журналист. Работал в Западной Сибири и Забайкалье, на Кубани, в Калининградской области и на Таймыре. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных и журналистских конкурсов. Живет в пос. Солнечный Челябинской области.

И что положено кому...

Великая Отечественная... Война затронула всех, по каждому прошлась катком жестоким. Мои земляки и соседи, жители хутора Раздольного – дед Гриша и Андреич – герои этих коротких рассказов, написанных в результате долгих дружеских бесед с ними, как непосредственными участниками драматических событий грозового времени. Разная война им досталась...

Курский воробей

– Как очнётся, командует: «Оставь меня, боец, не донесёшь, выбирайся сам! У меня граната – живым не дамся!» Комроты наш – мужчина крупный, тяжеленный, ранило его сильно, то бредит, кричит, – в атаку, мол, то в беспамятство впадает. А я-то – сам видишь, и посейчас-то мелкий, а тогда… Одно слово – курский воробей! А тащить командира надо – я и тащу, куды денешься, а бросить – не-е… Это что же – шкуру свою спасать?! Что судьбой уготовано, то и будет, а своё сполню! Не гляди, что мелковат – мы, курские, жилистые – так и волоку, где на закорках, где ползком, где уговором, где матерком его приласкаю, отведёшь душу – и вроде как тащить полегше… А гранату-то отнял, чтоб он в беспамятстве не рванул до времени, это завсегда успеется, а у меня и ППШ имеется, повоюем ишо!

Дед Гриша, Григорий Михайлович Медведев, за тот подвиг – спасение раненого командира роты, был награждён орденом Славы. Награда нашла его через три месяца после войны.

Григорий был у комроты связным. В одном из тяжелейших боёв часть их едва не попала в окружение, и раненого командира боец Медведев буквально вынес на себе. Он сидит напротив – небольшого росточка, сухонький, на столе россыпью – многочисленные боевые и трудовые награды. Слышит Григорий Михайлович уже худо – возраст даёт о себе знать, шутка ли – за 90! Однако не унывает – что не дослышу, мол, то сам придумаю. Приспособились, впрочем, – верная подруга жизни Екатерина Тимофеевна умудряется как-то докричаться.

Григорий подростком приехал в посёлок Раздольный с семьёй перед войной, в 1940 году. В том же году, как переехали на Кубань, умерли отец, брат, трёхлетняя сестрёнка Григория. Мать осталась с четырьмя сыновьями. Так и бедовали.

– В 1943-м, как немцев с Кубани прогнали, меня призвали в армию. 17 лет уж было. Направили в запасный полк, в Дагестан, в Буйнакск. Не 41-й всё-таки уже – сразу в бой не бросили, муштровали поперва 3 месяца, потом только направили на фронт. Повезли на Украину, на Днепр – вона уже куда погнали фрицев! Выгрузили ночью за 30-40 километров от передовой, чтобы не разбомбили состав, добирались до передовой пёхом. Там, конечно, радость – пополнение прибыло! Попал в стрелковый полк, дали сначала карабин, потом ручной пулемёт. Пулемёт всё ж-таки заменили на ППШ – видать, я мелковат да худоват показался командиру…

В составе стрелкового полка Григорий Медведев освобождал Польшу, воевал в Германии.

– Форсировали реку Вислу, это ещё в Польше. На плотах переправлялись. Немец садит изо всех стволов, ясное дело. Эх, думаешь, если суждено, – пусть будет прямое попадание снаряда, раненым-

то тонуть в темноте ещё горше… То слева разрыв, то справа – с плотов соседних товарищей как волной смывает. Зато уж, как высадились – пощады не жди, фрицева гадина!

Не раз солдат Медведев находился в крайне сложной ситуации, на волосок от смерти. Сейчас, кажется, и самому не верится – выжил, выстоял, победил!

– На меня ведь уж и бумагу матери прислали – «без вести пропавший», мол. А меня только контузило. Под Братиславой это было. Тяжёлая артиллерия бьёт – головы не поднять. Заскочили в подъезд – я и ещё три бойца. А тут накрыло – подъезд обрушился. В каменном мешке оказались. В моей-то части уже бумагу домой отправили. А меня откопали, после Победы уж орден Отечественной войны первой степени вручили.

Григорий Михайлович задумывается, пальцы его бережно гладят орденские ленточки, лежащие на столе. За каждой из наград – тяжелейшие бои, пот, кровь и смерть товарищей, ярость атак и горечь потерь.

– В город немецкий входим – ни души, кажется. Жители боялись, прятались. «А-а, мол, знает кошка, чьё мясо съела!» – поперва думаешь… А после и их жаль – голодные, испуганные, мы не трогали, да и не до них нам – до Гитлера бы добраться! Нет, не дошёл до Берлина – ранило. В ногу. Пока в госпитале валялся – кончилась война. Да и нестроевым стал, после лечения направили в авиачасть, охранял самолёты. Ещё 4 года служил, всех-то сразу не демобилизуешь…

Удивительно, но, казалось бы, потерявший уже всякую связь с современностью, беспомощный, больной и глухой старик заговаривает вдруг о горячих и злободневных проблемах, стоящих перед страной, перед нашим обществом. И как только расслышал, что на днях будет Президент отвечать на вопросы россиян?!

– И чего Президенту вопросы собирают? Один он, что ль, отвечать должон? Не-е, один в поле – не воин! Всем надо робить как след!

Вот так бывает! И курский воробей ещё летает...

Демобилизовался Григорий Медведев аж в 1950 году, вернулся в Раздольный. Вскорости и женился – вот она, рядышком, – Катюша, как и не бывало тех 62 лет пролетевших! Работал трактористом. За 36 лет доблестного труда награжден орденом Трудового Красного Знамени, тремя медалями «За трудовую доблесть», медалями ВДНХ. Вместе с супругой вели большое крестьянское хозяйство.

– Завсегда вин був передовик. А як же ж? Ось, Болгарию побачив, по путёвке, – вспоминает Екатерина Тимофеевна, ласково поглаживая мужнин мальчишеский вихор.

– Как сейчас-то поживаете?

– Живём потихоньку! – как-то, видимо, случайно получилось, – в один голос воскликнули Григорий Михайлович и Екатерина Тимофеевна. А может быть, синхронность такая привычна для дружных любящих супругов, бок о бок проживших долгую, трудную и счастливую жизнь, деливших пополам все её горести и радости, как и все беды и взлёты своей страны.

Малолетний узник Андреич

– Да я синий родился, синенький, как баклажан! Бабы соседские бегом велели отцу бежать за батюшкой да окрестить скорее, чтоб хотя бы помер душой крещёной – никто не верил, что доживу до утра! Почему синий? Да откуда в голодуху у матушки силы, чтобы крепенького родить?! Год-то – 34-й! Слышал, небось, о голодухе в те года? Мама положила на лавку – перекрестила, как попрощалась. А я выжил… Правда, очень скоро не знал уж, не напрасно ли выжил…

Андреич наш – малолетний узник фашистских концлагерей. Не за льготами и какими-то особыми правами, положенными узникам, обращался Андреич в различные инстанции, чтобы получить этот статус, – важно было восстановить, хотя и по прошествии многих лет, восстановить справедливость. Слишком много испытаний выпало на долю человека, чтобы можно было вот так просто забыть.

Деревня, из которой восьмилетним мальчиком вместе с матерью и старшей сестрой был угнан на чужбину, в войну уничтожена гитлеровцами – сожжена дотла, ни о каких документах речи нет, и земляков война разбросала повсюду – потому-то так трудно собирались доказательства. Но – дело прошлое, справедливость восстановлена.

– В 1942 году это было, на Орловщине. Мама, сестра, много наших деревенских – всех погрузили в вагоны для скота и увезли. Всех трудоспособных разобрали фермеры немецкие – бауэры. Сестру Зину тоже забрал богатый бауэр, хозяйство у него было большое, работы невпроворот, одно хорошо – хозяйственный немец заботился не только о своих животных, работников тоже неплохо кормил, чтобы силы не теряли.

Узников, негодных для тяжелой работы, по мнению бауэров, поэтапно отправляли в фильтрационные лагеря.

– Лагерь под Веной. Я-то маленький, страха ещё не ведал, взрослым запрещали передвигаться по лагерю, а я ходил, и с банкой за баландой ходил, и так, прогуляться. Баланда – так, бурда, отрубей немножко да брюквы, полтора литра банка – на сутки, да граммов 50 хлеба. Однажды решил второй раз получить баланду – так повар узнал меня, отнял банку – во что теперь набирать?! Мама едва уговорила повара отдать банку – спасибо, добрый по-своему человек попался. А мог бы сдать, вмиг бы расстреляли. Убивали за всё – из очереди ли вышел, слово ли сказал… Многие с ума сходили. За такими каждое утро и вечер приезжали здоровенные солдаты с резиновыми дубинками, загоняли в крытые машины, увозили. Мы думали – в больницу, и мечтали тоже подлечиться, но несчастных в газовых душегубках увозили сразу в крематорий… Погрузят в фургон – и пускают в выхлопную трубу газ. Тысячи увозили! А нас, наверное, сам Бог берёг!

Кажется, Андреич и сам поражается своей везучести. Тифом заболели до войны всей семьёй – лежали на земляном полу вповалку на соломе, неделю вообще ничего не ели – как выжили?! Отец, донецкий шахтёр, умер в 1939 году. Засыпало однажды в шахте, трое суток простоял в ледяной воде, после стал чахнуть. Без отца жизнь стала ещё тяжелее.

– А я же ребенок, видно, мама меня ограждала от беды, как могла, – я и в лагере находил себе забаву: как в театр какой, ходил в одно огромное помещение: склад-не склад, ангар какой-то, но обуви там было – тысячи, да что там – миллионы пар! Я тем забавлялся, что примерял ботиночки… Хорошо, послушный был – мама запретила брать чужое, я и не трогал, иначе немцы бы сразу убили, они нарушений порядка не выносили. А я и не понимал тогда, где владельцы этих сапог, туфель да

ботинок – от больших кирзачей до крохотных обуточек…

Поэтапно увозили в концлагеря Польши, Германии, Австрии. Однажды погрузили в вагон, поехали на восток. В первом вагоне – узники, последующий состав – орудия, танки, боеприпасы для гитлеровских дивизий в Союзе. Специально так делали, чтоб партизаны под откос состав не пустили – разведка у наших работала. Всё равно партизаны приспособились – подрывали позади вагона с узниками. Так Миша с матерью приехали в СССР, от западной границы – под Орёл, видимо, не до узников стало фашистам, в неразберихе, – бои шли тогда, в 1942-м, упорнейшие, – разбежались истощённые голодные люди.

Стали пробираться в родные края. Всё кругом разгромлено, по ночам прятались в церквах, они, как наиболее прочные здания, казались надёжным укрытием. В деревнях люди делились последним – мёрзлой картошкой, брюквой. Пацаны промышляли подле немецких кухонь – собирали по утрам пустые консервные банки, вылизывали остатки – по ободку остаются крохи. Когда началось наступление наших войск, жили в блиндажах, в окопах. Андреич, хоть и мал был, ясно помнит день освобождения.

– Врываются солдаты наши – чёрные, прокопчённые, многие в бинтах: «Немцы есть в блиндаже? Всем выйти!» Боимся, а выходим – мы уже всего боялись к тому времени, не могли поверить, что это наконец наши. Сколько же народу было побито! Кругом патронов, гранат, мин – видимо-невидимо! Пацаны нашли забаву – взрывали, сами подрывались часто. Военные наши игрушки – патроны да гранаты. Нашли с мамой бойцов наших убитых, лежат втроём на хорошем байковом одеяле, видно, наши не успели похоронить. Мы погребли солдат, а одеяло мама долго отстирывала от крови глиной да песком, сшила мне пальто – на спине так и осталось большое зелёное пятно – там, где кровь бойцов была… В 1944 году пошёл в первый класс – в одном помещении 3-4 класса, писали на грифельных досках стержнями от батареек, на газетах – чернилами из сажи с буряком. За три километра ходил в лаптях в школу.

Сейчас, в процессе разговора, кажется, впервые видишь, что Андреичу перевалило за 80 лет. Тяжёлые воспоминания даются ему с трудом – часто умолкает, пытаясь справиться с волнением. Сколько всё же испытаний выпало на долю человека! Память не отпускает ни днём, ни ночью.

Всю последующую жизнь Андреич проработал в колхозе ветфельдшером. Трудовой стаж – более 40 лет. Вырастил двоих детей. Дедушка троих внучек и прадедушка 6 правнуков. Прожил большую трудовую и, по большому счёту, счастливую жизнь. И мечтает лишь о том, чтобы никогда и никому больше не выпало на долю такое, что выпало ему и многим, многим малолетним и взрослым узникам фашистских лагерей.

Однажды Андреич, глубоко вздохнув и утирая влажные глаза, молча протянул мне тетрадный листок, на котором аккуратным почерком выведено:

К молодёжи

Смейся, танцуй и пой, молодёжь!
С песней до ста лет доживёшь,
Чтоб работа с песней в радость была
Да Родина – Россия цвела!
Чтоб жизнь и любовь вечной была

И в радость – цветы и трель соловья!

О счастье свободы и радости жизни бесценной – кто может знать лучше, чем узник?..

Добавить комментарий

Комментарии